

рис. К. Орлова

Срав. по воев. Р. М. Богучаревъ

Аном. М. Успенский

ЕРМАКЪ ТИМОФЬЕВИЧЪ

ЗАВОЕВАТЕЛЬ СИБИРИ

въ его настоящемъ Русскомъ вооруженіи, слѣдуя
рисункамъ Сибирской лѣпописи по списку Ремезова.

ЛѢТОПИСЬ

СИБИРСКАЯ.

Аще намъ всемогій въ Троицы славимый Богъ по-
можеть , то и по смерти нашей память наша
не оскудѣеть въ шѣхъ спранахъ , и слава наша
будеть вѣчна.

*Слова , произнесенныя козаками , по взятіи
городка Атика мурзы.*

Масловъ

Л Ъ Т О П И С Ъ С И Б И Р С К А Я,

С О Д Е Р Ж А Щ А Я

повѣствованіе о взятіи Сибирскія
земли Русскими, при Царѣ Іоаннѣ
Васильевичѣ Грозномъ; съ крашкимъ
изложеніемъ предшествовавшихъ оно-
му событій.

И З Д А Н А

С Ъ Р У К О П И С И Х V I I В Ъ К А.

Въ Библиотекѣ Императорскаго Сѣнатора
САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1822.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1821.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ , чшобы по напечатаніи , до выпуска изъ типографіи, предсшавлены были въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. С. П. Б. Генваря 31 дня, 1821 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. И. Тимковскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кто читалъ Сибирскую Исторію, пому извѣстно о существованіи Сибирскихъ лѣтописей. Сколь ни важны для насъ сіи драгоцѣнные памятники, свидѣтельствующіе о знаменитыхъ подвигахъ нашихъ соотечественниковъ, чрезъ кои содѣлались мы обладателями обширной Сибири; но къ сожалѣнію, ни одной Сибирской лѣтописи донинѣ въ свѣтъ не издано и нѣкопорыя изъ нихъ можетъ быть безвозвратно уже поперяны.

Древнѣйшею Сибирскою лѣтописью обязаны мы Тобольскому Архіепископу *Кипріяну*, который для составленія оной собралъ въ 7130 (1622) году опъ. остававшихся еще тогда въ живыхъ Ермаковыхъ поварищей, многія изустныя свѣденія. По повелѣнію сего же Паспыря внесены въ Синодикъ для всегдашняго поминовенія храбрые завоеватели Сибири, убіенные Татарами.

Послѣ Кипріяна слѣдуетъ дѣписатель *Савва Осиповъ*, Дьякъ Сибирскаго Митрополипа. Въ находящейся у меня Сибирской лѣтописи, писанной въ новѣйшее уже время и доведенной до 1759 года, упоминается о немъ съ великою похвалою; самъ же Осиповъ о трудѣ своемъ изъясняется слѣдующими словами: «Содѣявшаяся во дни и роды наши и о прочихъ вещахъ кѣждо изложилъ по словамъ, да не прудомъ вся обрящутся. О царствѣ же Сибирскомъ и о княженіяхъ написахъ опъ лѣтописца Татарскаго, достовѣрно испыпахъ, еже добрѣ и нѣсколько повѣдаша ми явѣ. Слагаль сей лѣтописецъ въ лѣто 7145 (1637) Сентября въ первый день.» Преданія, сохраненныя Кипріяномъ, служили основаніемъ для лѣтописца Осипова.

Извѣстна еще лѣтопись, называемая Тобольскою, писанная Ремезовыми, жившими между 1650 и 1700 годами. Въроянно шѣ же Ремезовы сочинили чертежъ всей Сибири и описаніе обитающихъ тамъ народовъ, отправленные изъ Тобольска въ Москву Сентября 18 дня 7206 (1698) года съ Сибирскимъ сыномъ-боярскимъ *Аванасьемъ Даниловымъ*, Старшій изъ Ремезовыхъ,

по имени *Семенъ Емельяновъ*, имѣлъ званіе сына — боярскаго, а прочіе, *Леонтій*, *Семенъ* и *Иванъ* были его дѣти. Тобольская лѣтопись довольно проспранна; и кромѣ древнихъ и новѣйшихъ въ Сибири произшеспвій, повѣспвуетъ о нравахъ и образѣ жизни коренныхъ памошнихъ обитателей; но обезображена пуспными вымыслами и многими погрѣшностями въ самомъ описаніи произшеспвій: однако же Миллеръ заимспвоваль свѣденія для своей Испоріи Сибирской наиболѣе изъ сей лѣтописи.

Сверхъ того у нѣкопрыхъ охотниковъ до собиранія древностей хранились, а можеть бытъ и нынѣ есть, такъ называемыя простыя лѣтописи, повѣспвованія и другіе различные маперіалы для полной Сибирской Испоріи, болѣе или менѣе уважительные,

Всѣ сіи лѣтописи и повѣспвованія въ главныхъ предметахъ большею часпю между собою сходны; но въ часпныхъ случаяхъ и во времени иногда очень много разнятся. Желательна, чпобы онѣ были собраны, разсмотрѣны, и въ одной лѣтописи, признанной лучшею, означены были всѣ опмѣны, прибавленія и поясненія.

По случаю достпалась мнѣ рукопись XVII вѣка на 57 страницъ въ четвертку, писанная красивою скорописью съ киноварными оглавленіями, и заключающая въ себѣ повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли апаманами и козаками Ермакомъ Тимоѳеевымъ съ поварищи, съ показаніемъ предшествовавшихъ оному случаевъ и бывшихъ опъ того послѣдствій. Сія рукопись отличаетъ опъ другихъ подобныхъ, какъ краткимъ изложеніемъ, такъ и достоверностію свѣденій. Она можетъ служить къ изрвленію Хронологическихъ погрѣшностей, допущенныхъ въ Сибирскую Исторію Миллеромъ и Фишеромъ. Достоинство сей рукописи признано и знаменитымъ нашимъ Исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ, употребившимъ ее для 9 тома своей Исторіи Государства Россійскаго.

Его Сіяшество Графъ Николай Пепровичъ Румянцовъ, котораго имя украшаетъ многіе труды, предпріятыя для славы и для блага нашего опечества, и съ признавательностію произносимо будетъ благодарнымъ попомствомъ, удостоилъ также вниманія и сію любопытную рукопись и доставилъ мнѣ щедротами своими возможность издашь ее въ свѣтъ.

При напечатаніи оной я почелъ нужнымъ:
 1) назвасть ее Лѣтописью Сибирскою, поелику она расположена обыкновеннымъ порядкомъ лѣтописей, и къ выпавленнымъ въ ней годамъ оупь сотворенія мѣра присовокупилъ годы оупь Рождества Христова; 2) исправить недоспапокъ правописанія въ подлинникѣ и другія очевидныя писцовы ошибки; 3) перемѣнить знаки препинанія, изъ коихъ въ рукописи находяпся однѣ только точки, поставленныя большею частію не на своемъ мѣспѣ; 4) снабдить ее нѣкоторыми Историческими примѣчаніями и поясненіями. Кромѣ же сихъ необходимыхъ опспупленій, я не сдѣлалъ никакой перемѣны, и сія печатная лѣтопись имѣетъ совершенное сходство съ своимъ подлинникомъ.

Г. Спасскій.

1 Января 1821 года.

ЛѢТОПИСЬ СИБИРСКАЯ.

О взятїи Сибирскїя земли: како благогестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русїи, подарова Богъ Сибирское государство обладати ему Государю и побѣдити Муртазелїева сына Кугума Салтана Сибирскаго, и сына его Царевича Маметкула взяти жива; и како просвѣти Богъ Сибирскую землю святымъ крещенїемъ и святыми Божїими церквами и утверди въ ней святительскїй престолъ Архiepискупїю.

Вниде въ слухъ благочестивому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи о часпыхъ приходѣхъ Бусурменскихъ, войною на его Государскую землю Пермьскую опъ

Сибирскихъ людей, и како безбожни своимъ приходомъ, его Государевымъ Пермскія земли городомъ, и посадомъ и селамъ многое плѣненіе и запусѣніе учиниша. И вложи Богъ благочестивому Государю Царю во умъ, распросиши своего Государства вѣдущихъ людей про ту страну, и повелѣ Государь предъ собою пославиши Якова и Григорья Спрогановыхъ и распроси ихъ, како бы оберегати Пермская земля отъ нашествія Сибирскихъ людей и Кучуму бы Салпану чѣмъ шѣснопа ему учиниши. Они же ему Государю все подробну рассказаше, и слово ихъ ему Государю бысть пріятно, и ихъ пожаловалъ, велѣлъ даши имъ на волю, какъ бы имъ отъ Сибирскихъ людей Пермской землѣ обереганіе учиниши и о помъ имъ велѣлъ о всемъ свои Государевы грамошы подавати, о промыслу надъ Сибирскими людьми и иныхъ ордъ земель.

О поставленіи Канкора городка на Пыскорскомъ мысу, идѣже бѣ монастырь всемилостиваго Спаса, зовомый Пыскоръ.

Въ лѣшо *335 (1558) году Апріля въ 4 (4) день, благочестивый Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ Григорья Аникіева сына Спроганова, ниже великія Перьми за восьмдесяшь и восемь верспъ, въ низъ по Камъ рѣкѣ, по правую спорону съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую спорону въ низъ Пызновской курьи, по обѣ спороны по Камъ до Чусовья рѣки, мѣста пущыя; и въ шѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ изберешъ Григорій Спрогановъ мѣсто крѣпко и успорожливо, и городокъ ему поспавиши, и крѣпости учиниши, и пушкарей, и зашинчиковъ, и пищальниковъ и ворошниковъ велѣли есмь ему успроиши собою, для береженья Сибирскихъ, и Нагайскихъ и иныхъ ордь людей; и ему Григорью, къ себѣ вольно назы-

ваши нешаглыхъ и неписьмянныхъ на шѣ мѣста людей, и на Канкорь городокъ. Грамоша Государева дана за приписью Дьяка Петра Данилова; приказали: Окольничей Ѳедоръ Ивановичъ Умнои, да Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ, да Казначей Ѳедоръ Ивановичъ Сукинъ, да Хозяинъ Юрьевичъ Тюшинъ; а приказъ подписалъ Дьякъ Третьякъ Карачаровъ.

О поставленіи другаго городка на Орловскомѣ на волокъ, зовомый Кергеданъ, а нынѣ зовется Орловъ.

Въ лѣто 356 (1564) мѣсяца Генваря въ 6 (2) день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ Григорья же Аникіева сына Спроганова жаловальною грамошою, въ шѣхъ же мѣсцѣхъ, что прежь сего его пожаловалъ, что онъ избралъ ниже прежняго Канкора городка двадцашь

вершъ , мѣсто на Орловскомъ на волокъ , и ему Григорью собою же поставиши спѣны сажень по шридцаши , а съ присшупную спорону для низи великимъ мѣсто каменемъ заклаши ; а пищальники и шпорожи , въ шомъ городкѣ , ему собою же успавиши , и держаша въ шѣхъ въ обоихъ городкѣхъ нарядъ скорострѣльной : пушечки , и пищали , и зашинные , и ручницы подѣлаши записнымъ масперомъ , кошорыхъ къ себѣ Григорій приговоришь изъ наймовъ , и у себя Григорью шомъ нарядъ держаша . И грамоша Государева на шомъ городокъ дана . Припись у грамошы большая Государева Дьяка Юрья Башанина : Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всей Русїи ; въ другомъ мѣстѣ припись Сени Непеина : по приказу Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русїи ; въ прешьемъ мѣстѣ припись Козмы Романцова : приказаль Царевымъ и Великаго Князя словомъ ; Казначей Никиша Аванасьевичъ Оуниковъ , по

памяпи съ приписью Дьяка Ивана Булгакова.

О поставленіи Чусовскихъ городковъ.

Въ лѣшо *305 (1568) году Марша въ кѣ (25) день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ Якова Аникіева сына Спроганова жаловальною грамошою, ошь успь рѣки Чусовыя въ верьхъ, по обѣ стороны и до вершины, земли и рѣчки до вершинъ; и въ шѣхъ мѣспѣхъ, ошь Камы по Чусовой въ верьхъ восьмьдесятъ верспъ, на правой и лѣвой споронѣ посшавишь городки для крѣпосши и обереганья Сибирскихъ, и Нагайскихъ людей и иныхъ ордь, и городской нарядъ скороспрѣльной: пушечки, и запинныя пищали и ручныя, и всякія крѣпосши подѣлашь, и людей ему называшъ въ шѣ городки вольно: пушкаревъ, и запинщиковъ, и пищальниковъ,

и спорожевь, и воропниковъ держани.
И грамоша Государева дана за при-
писью Дьяка Дружины Володимерова.

*О поставленіи острожковъ Сылван-
скаго и Яйвинскаго, сто поставлены
на Сибирскихъ и Нагайскихъ людей
пути.*

Въ лѣшо 351 (1570), по повелѣнію
благочестиваго Государя Царя и Ве-
ликаго Князя Ивана Васильевича всеа
Русіи, пославиль Яковъ Спрогановъ,
для переходу Сибирскихъ и Нагайскихъ
людей, чшобы имъ къ Государевымъ
Пермьскимъ городомъ пуши не было,
и для ушѣсненія Сылвенскихъ и Ирен-
скихъ Ташаръ, и Остяковъ, и Чусов-
скихъ, и Яйвинскихъ, и Илвинскихъ и
Косвинскихъ Вогуличъ, надъ Сылвою
и надъ Яйвою рѣками, оспрожки, и
нарядъ скорострѣльной, и пушечки,
и запинные, и пищали, и ручные, и
людей пушкарей, и запинщиковъ, и

пищальниковъ , и воротниковъ [и спорожевь] въ шѣхъ оспрожкахъ успроиль.

О убїеніи Русскихъ торговыхъ людей и ватащиковъ отъ Черемисы и Башкирцовъ.

Въ лѣто *ЗП̄ (1572) году Іюля въ ЁІ̄ (15) день, Божїимъ попущенїемъ прїиде на рѣку Каму Черемиса , и съ собою подговориша Оспяковъ, и Башкирцовъ и Буинцовъ множество , и околь прѣреченныхъ городковъ Канкора и Кергедана побиша Русскихъ торговыхъ людей ПЗ̄ (87) человекъ ; и объ помъ благочеспивый Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русїи послалъ грамошу свою Царскую, за приписью Дьяка Кирѣя Горина къ Якову да къ Григорью Спрогановымъ, а указаль , чтообы имъ за его Государевыми измѣнники , за Черемисою , и Оспяки , и за Башкирцы и за Буинцы , изъ городковъ людей своихъ собравъ

послапи. И они, Яковъ и Григорей, выбравъ въ городкѣхъ своихъ голову, и давъ ему рашныхъ людей казаковъ охочихъ и людей своихъ, за ними посылали на его Государевы измѣнники, кои ему Государю измѣнили; они же посланнїи, ихъ окаянныхъ овыхъ побивша, а иныхъ живыхъ взяша, и всѣхъ къ шерши ихъ приведоша, чпо имъ Государю во всемъ прямись, и быши подручными, и оброки Государю даваши, и на супрошивныхъ супоспашъ Государевыхъ стояшь за него Государя безъ измѣны, и аманашовъ у нихъ поймавъ въ свои городки и въ Пермь къ Воеводамъ Государевымъ послали.

О приходѣ Сибирскаго Салтана, Кугумова сына Царевича Маметкула на Чусовую рѣку и о плѣненїи Русскихъ людей.

Въ лѣшю *Зп̄а (1573) Юля въ К̄ (20) день, на память Святаго Пророка Илїи,

изъ Сибирскія земли съ Тобола рѣки, приходилъ Сибирскаго Салшана Царя Кучумова сынъ Мамешкуль, собрався съ своими мурзами и уланами рашью на Чусовую рѣку дороги провѣдываши: куда бы ему ишли рашью въ Яковлевы и въ Григорьевы Сшрогановыхъ городки, и въ Пермь великую; да въ шомъ приходѣ многихъ людей, данныхъ Ошяковъ побили, а жены ихъ и дѣши въ полонъ поведи, и посланника Государева Трешьяка Чебукова и съ нимъ служилыхъ Ташарь, кои съ нимъ шли подь Казань въ Казанскую орду, иныхъ побили, а овѣхъ въ полонъ взяша (1), а до Чусовскихъ городковъ не доходя за пять верспь, что ему полоненики Русскіе сказали, что въ городкахъ людемъ рашнымъ скопъ и васъ - де они къ себѣ ждушъ, и онъ убося шого назадъ ворошился; а Яковъ и Григорей за Сибирскою рашью, безъ указа Государева, своихъ наемныхъ казаковъ [изъ городковъ] послашъ не посмѣли. А прежь шого, Сибирской же Салшанъ

ратью, данныхъ Оспяковъ Чагира съ шоварищи побили, а иныхъ въ полонь взяли, кошорые жили около Чусовскихъ городковъ, и объ томъ Яковъ да Григорей писали благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи къ Москвѣ, чшобы Государь ихъ пожаловаль, и велѣль за ними посылашь безпенно и обиды имъ своя мспиши. И за шо ихъ Государь, Якова и Григорья пожаловаль, велѣль даши свою Государеву грамошу, чшо имъ въ Сибирской справнѣ, за Югорскимъ каменемъ, на Тагчеляхъ, и на Тоболѣ рѣкѣ, и на Иршишѣ, и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодился, для береженья и охочимъ людемъ на опочивъ, крѣпоспи подѣлаши, и снарядь огненной, и пушкарей, и пищальниковъ и спорожей опъ Сибирскихъ, и опъ Нагайскихъ людей и опъ иныхъ ордь держаши, и около крѣпоспей, у рыбныхъ ловель и у пашень дворы сшавиши, по обѣ стороны Тобола рѣки, и по рѣкамъ, и по озерамъ и до

вершинъ , и крѣпнися всякими крѣ-
 постыми накрѣпко ; а кои Остяки , и
 Вогуличи и Югричи ошъ Сибирскаго
 Салшана ошеспанушъ , а учнушъ быши
 подъ его Государевою рукою , а по-
 чнушъ Государю дань даваши , и шѣхъ
 людей съ данью посылаши къ Москвѣ.
 И ошдаваши дань въ Государеву казну,
 а шѣхъ данныхъ Остяковъ , и Вогуличъ
 и Югричъ , и жены ихъ и дѣти ошъ
 Сибирцовъ рашныхъ приходу беречи
 Якову да Григорью , въ своихъ крѣпо-
 стѣхъ ; а на Сибирскаго Салшана Якову
 же и Григорью , собирая охочихъ и сво-
 ихъ людей и Остяковъ , и Вогуличъ , и
 Югричъ и Самоедь , съ наемными каза-
 ками , и съ нарядомъ своимъ посылаши
 воеваши , и въ полонъ Сибирцовъ имаши,
 и въ дань за Государя приводиши. А
 спанушъ приходиши въ шѣ крѣпости
 къ Якову и къ Григорью , шорговые
 люди Бухарцы , и казацкія орды и иныхъ
 земель съ какими шовары , и имъ у нихъ
 шорговаши вольно безпошлинно. И
 грамоша Государева на шѣ мѣста въ Си-

бирскую Украину, за Югорской камень на Тагчей, и на Тоболу, и на Ирпишь и по Обѣ, на крѣпостныя мѣста, дана лѣша *ЗПБ (1574) Маія въ 1 (30) день, за приписью Дьяка Пешра Григорьева.

О призваніи Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѣева съ товарищи, съ великія рѣки Волги въ Чусовскіе городки на спомоганіе противъ невѣрныхъ.

Въ лѣшо *ЗПЗ (1579) году Априля въ 5 (6) день, слышаху бо сія Семень и Максимъ и Никиша Спрогановы ошъ досповѣрныхъ людей, о буйствѣ и храброси Поволскихъ казаковъ и атамановъ Ермака Тимоѣева съ шоварищи, како на Волгѣ, на перевозѣхъ, Нагайцовъ побивающъ и Ардобазарцовъ грабящъ и побивающъ; и шїи людїе, слышавъ шо про ихъ буйство и храбросшь, и людей своихъ съ писаніемъ и съ дары многими послаша къ нимъ,

дабы шли къ нимъ въ вопчины ихъ въ Чусовскіе городки и въ острожки, на спомоганіе имъ. И они же вельми сему возрадовашася, яко посланніи пріидоша къ нимъ ошь честныхъ людей и зваху ихъ къ себѣ на помощь; погда ашаманы и казаки, Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никиша Панъ, Машеѣй Мещерякъ, собрався со единомысленною и предоброю дружиною, число же ихъ Φ и \bar{M} (500 и 40) человекъ, вскорѣ шествѣе учиниша къ нимъ (2).

О приходѣ Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимоѳеева съ товарищи, въ Чусовскіе городки.

Тогожь году Іюня въ \bar{K} И (28) день, на память Святыхъ Чудотворецъ и безсребреникъ Кура и Іоанна, пріидоша съ Волги ашаманы и казаки, Ермакъ Тимоѳеевъ Поволской съ товарищи, въ Чусовскіе городки; они же Семень и

Максимъ и Никиша Спрогановы прияша ихъ съ честію и даяху имъ дары многи, и брашны и пишіи изобильно ихъ наслаждаху. Ашаманыже и казаки спояху прошивъ безбожныхъ Агарянь буйшвенно и единомысленно, съ живущими шу людьми въ городкѣхъ, и бѣяхуся съ безбожными Агаряны сурово и немилоспиво; и швердо спояху, и на невѣрныхъ поощряхуся: пожиспа же они ашаманы и казаки въ городкахъ ихъ два лѣша и мѣсяцы два (3).

О приходѣ Вогульи подѣ Чусовскіе городки и подѣ Сылванской острожокѣ войною.

Въ лѣшо 3110 (1581) Іюля въ 11 (22) день, злокозненный же дьяволь, иже искони не навидяй добра человѣческому роду, поощри злаго и безбожнаго Вогульского мурзу Бегбелія Агшакова съ своимъ съ Вогульскимъ и Ошяцскимъ собраніемъ, а собранія его 11 (680)

человѣкъ, и прїидоша подь Чусовскїе городки и подь Сылванской оспрожекъ безвѣстно, украдомъ, и шу окрестъ живущихъ села и деревни поплѣниша, и пожгоша, и въ полонъ многихъ людей, мужей и женъ и дѣшей поимаша; но преблагїй Богъ не попусти окаянныхъ. Вскорѣ надъ ними безбожными, Русїи вои побѣду учинили изъ городковъ своихъ, и многихъ у городковъ поимаша, и по шѣмъ вѣстямъ на переходѣхъ многихъ побиша, а иныхъ многихъ переимаша, и мурзу ихъ Бегбелїя Агшакова взяша жива. И они безбожнїи видя свое изнеможенїе, что Богъ подаль надъ ними побѣду, Государю объ шомъ добили челомъ и вину свою принесли, что бышъ имъ подъ данью Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русїи и на Русскую землю не приходиши войною.

О посланіи Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимоѳеева съ товарищи и ратныхъ людей Строгановыхъ въ Сибирь, на Сибирскаго Салтана.

Въ лѣто *34^т (1582) году Сеншября въ 4^т (1) день, на память Преподобнаго отца нашего Семіона Сполнника, послаша изъ городковъ своихъ Семень и Максимъ и Никиша Спрогановы, въ Сибирь на Сибирскаго Салтана Волскихъ ашамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ поварищи, и съ ними собравъ изъ городковъ своихъ ратныхъ людей, Литвы, и Нѣмецъ, и Ташаръ и Русскихъ людей буйшвенныхъ и храбрыхъ предобрыхъ воиновъ присла человѣкъ, и ихъ съ Волскими ашаманы и казаки отпуспиша вмѣстѣ за едино, и того ихъ собранія учредиша осмь сошъ чешыредесашъ человѣкъ буйшвенныхъ и храбрыхъ; и оппѣвше соборнѣ молебная пѣнія всемилосшивому въ Троицы славимому Богу, и Пречистой его

Богоматери и всѣмъ небеснымъ силамъ
 и свяшымъ угодникамъ его, и удово-
 лиша ихъ мздою, и одѣянїи украсиша
 ихъ и оружіемъ огненнымъ: пушечки и
 скорострѣльными пищальми семипяд-
 ными, и запасы многими, и всѣми сими
 довольно сподобиша ихъ, и вожевь вѣ-
 дущихъ той Сибирскій путь, и полма-
 чевъ бусурменскаго язъка имъ даша, и
 оппустиша ихъ въ Сибирскую землю
 съ миромъ. Они же апаманы и казаки
 съ приборными людьми, поидоша съ
 радостїю въ Сибирскую землю на Си-
 бирскаго Салпана, со учрежденїемъ
 полковъ на очищенїе Сибирскїя земли,
 очистиши мѣсто и опогнаши безбож-
 наго варвара. Апаманы же и казаки идо-
 ша по Чусовой рѣкѣ въ верхъ до усть
 Серебряныя рѣки чешыре дни, и по
 Серебряной идоша два дни и дойде
 Сибирскїя дороги, и шу городокъ зем-
 ляной поставиша и назва его Ермаковъ
 Кокуй городокъ, и съ шого мѣста пе-
 ревозеся кѣ (25) поприщъ за волокъ,
 на рѣку рекомую Жаравли, и по той

рѣцѣ поидоша въ низъ и вышедъ на Туру
рѣку: шу бѣ и Сибирская спрана (4).

О приходѣ Сибирскихъ людей Пелымскаго князя подѣ Пермскіе города, и подѣ Канкорѣ, и подѣ Кергеданѣ и подѣ Чусовскіе городки, и подѣ Сылванской и Яйвинской острожки.

Въ та же времена девять десятыя години и въ число днѣи, на память Преподобнаго опца нашего Семіона Сполника, злочесивый и безбожный князь Пелымскій ярости многи наполнися, но и паки звѣрспрашѣмъ объяшъ бысть, и умысли злохипрое коварство въ сердца своемъ и начашъ лешъ съ лукавствомъ сшиваши, и бысть ему безбожному ко своей гибели; тогда онъ злочесивый собраво своя, число же ихъ семь сошъ человекъ, и подозва съ собою буйшвенныхъ, и храбрыхъ и сильныхъ мурзь и улановъ Сибирскія же земли со мно-

жесшвомъ вои ; онъ же злый по неволи
 взя съ собою Сылванскихъ, и Косвин-
 скихъ , и Иренскихъ , и Ивинскихъ и
 Обвинскихъ Ташарь, и Оспяковъ, и Во-
 гуличъ, и Вопяковъ и Башкирцовъ мно-
 жесшво, и прїиде съ вои своими, яряся,
 на Пермскія города на Чердынь, и шѣ
 мѣсша поплѣниша и пожгоша, дондеже
 и къ спѣнамъ града сурово и люпо
 зѣло приближишася ко граду , едва не
 взяшу бывшу. Но всемогій Богъ не по-
 пусти окаянныхъ ; и вскорѣ опъ шого
 мѣсша поидоша подь Кай городокъ и
 шу велію пакость учиниша , и опшолѣ
 окаяннїи прїидоша подь Камское
 усолье , и шу села и посады пожгоша ,
 и людей поплѣниша ; и прїидоша подь
 Канкорь и подь Кергеданъ городки , а
 опшолѣ поидоша подь Чусовскіе го-
 родки и подь Сылванской и Яйвинской
 оспрожки, и внезапно окаяннїи нападаша
 на Чусовскіе городки, и около шу живу-
 щихъ кресшьянъ множесшво посѣкоша
 и села ихъ и жилища пожгоша , и неми-
 лоспивно православныхъ плѣняху , и

полону многу взяшу бывшу. Волскихъ же ашамановъ и казаковъ не бѣ шу въ городкѣхъ; прежде прихода его, окаяннаго и безбожнаго Пелымскаго князя, шоя же години, послаша ихъ Семень и Максимъ и Никиша въ Сибирскую землю, на Сибирскаго Салшана, а оспавшии людѣ въ городкѣхъ и въ оспрожкѣхъ своихъ опъ окаянныхъ и безбожныхъ Татаръ, опъ ихъ злаго пришужанія, едва смерти избыша, не силою своею, но Божіею помощію, и опполѣ многія скорби и пришужанія прѣимаху опъ окаянныхъ. Они же Семень и Максимъ и Никиша съ мужеспвенными своими и храбрыми людми, призва себѣ въ помощь всемилоспиваго, въ Троицы славимаго Бога, и Пречисшую его Богомашерь, и всѣхъ угодникъ его, но и паче успремишася и мужеспвенно и единомышленно спояху въ великомъ опъ окаянныхъ пришужаніи, и бѣхуса крѣпко и мужеспвенно со окаянными, и много множество опъ обою спранъ падоша; окаяннѣи же увѣдаху, что

Русетїи вои поидоша въ ихъ Сибирскую землю войною, и того устращишася, и шако, Божіею помощію, окаяннїи варвары побѣждени быша, и полонъ Русскїй у нихъ ошьятъ бысть; они же безбожнїи отойдоша посрамлени, аки пси во своя мѣста. И объ шомъ Пелымскаго Князя приходѣ писалъ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи изъ Чердыни Воевода Василїй Пелепилицынъ, что Пермскую землю повоевали, села и погоста и посады пожгли, а Семень и Максимъ и Никиша Спрогановы, его Государевымъ городомъ не помогли, и людей отъ себя на помощь не послали, и Волскихъ апамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ шоварищи не отпустили къ нему на помощь. И о шомъ прислана съ Москвы Государева Царева и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русїи грамоша въ Чусовской городокъ, за приписью Дьяка Андрѣя Шолканова. 74 (1582) году Ноября въ 5 (6) день, къ нимъ къ Семену

и Максиму и Никишѣ Строгановымъ. А въ Государевѣ грамотѣ пишеть: « Писаль къ намъ изъ Перми Василій Пелепелицынъ, что послали вы изъ оспрожковъ своихъ Волскихъ ашамановъ и казаковъ, Ермака съ поварищи воевашъ Вопяки, и Вогуличъ, и Ташарь, и Пелымскія и Сибирскія мѣспа 74 (1582) году Сеншября въ 7 день; а въ пошъ же день, собрався Пелымской Князь съ Сибирскими людьми и съ Вогуличи, приходили войною на наши Пермьскія мѣспа, и къ городку Чердыню и къ оспрогу присшупали, нашихъ людей побили и многіе убышки нашимъ людемъ учинили; и шо сдѣлалось вашею измѣною: вы Вогуличъ, и Вопяковъ и Пелымцовъ опъ нашего жалованья опвели, и ихъ задрали и войною на нихъ приходили; да шѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ Салшаномъ ссорили насъ; а Волскихъ ашамановъ, къ себѣ призвавъ, воровъ наняли въ свои оспроги, безъ нашего указа; а шѣ ашаманѣ съ казаки, прежь шого ссорили насъ

съ Нагайскою ордою, пословъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали, и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людямъ многіе грабежи и убышки чинились, и имъ было вины свои покрыши шѣмъ, что было нашу Пермьскую землю оберегати, и они сдѣлали съ вами вмѣстѣ по тому же, какъ на Волгѣ чинили и воровали: въ кошорой день въ Перьми къ Чердыни приходили Вогуличи, а въ пошъ же день ошъ васъ изъ оспрожковъ, Ермакъ съ шоварищи, пошли воевать Вогуличъ, и Оспяковъ и Ташаръ, а Перми ни чѣмъ не пособили. И мы послали въ Пермь Воина Аничкова, а велѣли шѣхъ казаковъ Ермака съ шоварищи взять, опвеспи въ Пермь и въ Усолье Камское и шущъ имъ стояши велѣли раздѣляся; а однолично бы вамъ у себя казаковъ не держати, а буде вамъ для приходу въ оспрогѣхъ быши не лзя, и вы бы у себя оспавили немногихъ людей, съ кошорымъ ашаманомъ, человекъ до ста, а досшальныхъ всѣхъ выслать въ Чер-

дынь однолично пошчась. А не вышле-
ше изъ оспроговъ своихъ Волскихъ
казаковъ, ашамана Ермака Тимоѣева
съ поварищи, а учнете ихъ держати
у себя, и Пермскихъ мѣстъ не учнете
оберегати, и такою вашею измѣною,
что надъ Пермскими мѣсты учинишя
ошъ Вогуличъ, и ошъ Пелымцовъ и
ошъ Сибирскаго Салпана людей, и впе-
редь намъ въ шомъ опала на васъ своя
положиши большая; а ашамановъ и
казаковъ, кошорые слушали васъ и
вамъ служили, а нашу землю выдали,
велимъ перевѣшашъ; и вы бы пѣхъ
казаковъ однолично оппустили ошъ
себя въ Пермь. Писанъ на Москвѣ лѣша
«344 (1582) году Ноября въ 5 (16)
день» (5). И по симъ Семень и Максимъ
и Никита быша въ велицей печали о
шомъ, что прежде его Государево
Царево и Великаго Князя Ивана Ва-
сильевича всеа Русїи повелѣнїе бысть
по прежнимъ его Государевымъ грамо-
шамъ, велѣно городки ставиши и людей
воинскихъ прибирашъ на Сибирскаго

Салпана; а нынѣ его же Государевъ указъ, что не велѣно опущати Волскихъ атамановъ и казаковъ, а у нихъ въ Сибирь опущены казаки Ермакъ съ товарищи.

О приходѣ Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи, на Тавду рѣку въ Сибирской землѣ.

Въ лѣто $\times 34$ (1582) году Сентября въ $\overline{6}$ (9) день, на память Богоопецъ Іоакима и Анны, прїидоша воины въ ту Сибирскую землю безспрасни, и многіе Ташарскіе городки и улусы повоевали, въ низъ по Турѣ и доидоша до Тавды рѣки въ мужескѣ, и на устьѣ той рѣки поимаше Ташарь. Единъ бѣ ошь нихъ, именовъ Таузакъ, Царева двора, и повѣда имъ все порядку, про Сибирскихъ царей, и князей, и мурзъ и улановъ, и про Царя Кучума; они же увѣдаше ошь него о всемъ досповѣрно, и опущиша его, да скажешъ Кучумови

Салпану пришествіе ихъ , и мужество и храбрось. И отъ него же Таузака слышано бысть Царю Кучуму пришествіе Русскихъ воиновъ , и ихъ мужество и храбрось , и повѣдаша ему сице : шакови бо сушь Русіи воини сильни , егда спрѣляють изъ луковъ своихъ , тогда огонь пашеть и дымъ великій изходишь и громко голкнешь , аки громъ на небеси , а спрѣль изходящихъ отъ нихъ не видѣши , уязвляють ранами и смертно побивають , а уцѣпиться отъ нея никакими рашными збруями невозможно : куюки , и бегперцы , и пансыри и колчюги наши не держашь , все пробивають на вылеть (6). Царь же Кучумъ о семь оскорбися и опечалися вельми зѣло , и паки въ недоумѣнїи мнозѣ бысть , и посылаетъ во всю свою державу , по градомъ и по улусомъ , дабы къ нему ѣхали во градъ на спомоганіе прошиву Русскихъ сильныхъ вой ополчипися ; въ малѣ же времени собрашеса къ нему все множество воя его , князи , и мурзы , и

уланове и Ташары, и Оспяки, и Вогуличи и прочая языцы подь его власшю вси.

Тоя Сибирскія земли о царехъ и о князехъ, како и откуду нагашася.

Бысть въ Сибирской странѣ на рѣкѣ Ишимѣ нѣкто, Магметова закона, царь именемъ Иванъ, родомъ Ташаринъ; и возсѣ на него, его державы ошъ просыхъ Ташаръ, именемъ Чингисъ, и нашедъ на него аки разбсйникъ, призвавъ подобныхъ себѣ, и уби его и самъ бысть царь. И нѣкто ошъ слугъ Царя Ивана, сына его Царевича Тайбугу соблюде ошъ Чингисова убійства. И по нѣколицѣхъ лѣшѣхъ увѣда Чингисъ про Тайбуга, яко сынъ есть Царя Ивана, его же уби и царствомъ его завладѣ, и почше его великою честшю, и прозва его князь Тайбуга, и инѣмъ повелѣ его шакожъ зваши. И по семъ Тайбуга начашъ просишися, дабы ош-

пущень былъ; онъ же собираешъ ему воинство и оппустиша его. Той же пришедъ на рѣку, рекомую Иршишь, идѣ же живяспа Чюдь, и попомъ властїю своею покори себѣ многихъ людей, живущихъ по рѣкѣ Иршишу и по великой Оби, и опшолѣ возвращися, и бывъ у него немного время, и паки начашъ просишися; Чингисъ же оппусти его, аможе хоцешъ и шамо да пребываетъ. Онъ же пришедъ на рѣку Туру, и поставиша градъ и назва его Чингїи, а нынѣ на шомъ мѣстѣ Христіанскїй градъ, рекомый Тюмень. По немъ же княжилъ въ шомъ градѣ сынъ его Ходжа, по Ходжѣ же княжилъ сынъ его Маръ; а шой Маръ женашъ былъ на сеспрѣ Казанскаго Царя Упака, и сей Упакъ уби зятя своего Мара, и градомъ шѣмъ владѣлъ много лѣшъ; и по семь Адеровъ сынъ Мамешъ, Царя Упака убиль. Маровы дѣши: Адеръ да Яболакъ; а Адеровъ сынъ Мамешъ. Той Мамешъ Царя Упака убиль и поставиль градъ надъ рѣкою Иршишемъ,

и назва Сибирь, и княжилъ въ шомъ градѣ; а по немъ княжилъ Яболаковъ сынъ Агашъ; а по немъ Мамешовъ сынъ Казый; по немъ дѣши его: Ешигеръ да Бекбулашъ. И прїиде на нихъ изъ степи съ поля Царь Кучумъ, Мурша-зелѣевъ сынъ, со многими воинскими людьми, и уби Ешигера и Бекбулаша, и опшолѣ прозвася Кучумъ Сибирскій Царь. А Бекбулашовъ сынъ Сейдекъ, того увезоша въ Бухары въ малѣ возрастѣ. А у Царя Кучума два сына: единъ бѣ именемъ Мамешкуль, а впорый Алли (7).

О посланіи Царя Кучума сына своего Маметкула на Русскіе вои ратью.

Злочестивый же Царь Кучумъ посла сына своего Мамешкула со множествомъ воинства своего, и повелѣ имъ мужески ополчидися прошиву нашедшихъ Русскаго воинства; самъ же Кучумъ повелѣ себѣ учиниди засѣку

подлѣ рѣку Иршишь подѣ Чувашіемъ , и засыпаши землею и многими крѣпостьми ушвердиши , но крапкимъ словомъ реку , яко ешь доспойно на ушверженіе. Мамешкуль же со множествомъ вои своихъ доиде до нѣкоего урочища , иже бо именуешся Бабасанъ. Русіи же вои , апаманы и казаки видѣвше таковое поганыхъ собраніе , того нимало успрашишася , возложиша упованіе на Бога , изъ оспроговъ своихъ скоро изходяшь , и на поганыхъ успремишася. Поганіи же пропиву нашедшихъ крѣпце и немилосшивно наступаху на конѣхъ , копѣйнымъ пораженіемъ и оспрыми спрѣлами казакъ уязвляють вельми ; Русіи же людіе начаша спрѣляти изъ пицалей своихъ , и изъ пушечекъ скороспрѣльныхъ , и изъ дробовыхъ , и изъ зашинныхъ , и шпанскихъ , и изъ аркобузовъ , и сими побивающе поганыхъ безчисленное множество ; и въ то время бысть брань жестока съ Тапарскими вои , и паденіе ото обоихъ странъ мно-

го множество. Поганїи же видѣвше вои своихъ веліе паденіе предъ Русскими вои, и вдашася бѣгству. Русїи же казацы паки поидоша по рѣкѣ Тоболу и поидоша подъ гору; поганїи же начаша спрѣляши съ горы, и съ верху падоша спрѣлы на спруги ихъ аки дождь, и та мѣста проидоша ни чимъ не врежени ошъ Ташарь (8).

*О пришествїи Русскаго воинства подѣ
Карачинѣ улусѣ, думчаго царева.*

Прїидоша казаки подѣ Карачинѣ улусѣ, и шу вшорую брань сошвориша съ Карачею, думчимъ царевымъ, шакже взяше улусъ его, въ немъ же царевъ медь и богашество царевое взяше въ спруги своя; поганїи же постигоша ихъ у рѣки Иршиша, овїи на конѣхъ, а ини пѣши. Ашаманы же и казаки шу на берегу съ ними брань сосшавиша, и мужески на поганыхъ насшупающъ, и въ шо время бышъ сраженіе веліе обоимъ

странамъ до смершнаго посѣченія. Тогда видѣвши поганїи своихъ паденіе веліе предъ Русскими вои и вдашася невозвратному бѣгству. И на помъ бою Русскаго воинства, отъ Ермаковы дружины, мало убїенно бысть, почію кждо уязвлени быша. Царь же Кучумъ видѣвъ своихъ вои, яко побѣждени быша, и изыде со многими своими людьми, и спа на висоцѣ мѣстѣ на горѣ, по реклому Чувашевѣ, а у засѣки оспася сынъ его Мамешкуль со многими людьми; казацы же поидоша по рѣцѣ Иршишу въ верхъ (9).

~~~~~

О взятїи городка Атикъ-мурзы.

Прїидоша Русское воинство подъ городокъ Атикъ мурзы и взяше его, и сѣдоша въ немъ (10), уже ноци пришедши, пѣмѣ нашедшу. Видѣвшіе же казаки у засѣки шолкое поганыхъ собраніе, они же сего устрашишася и рекоша себѣ: како можемъ спати

прошиву шолликаго собранія? И начаша размышляши въ себѣ, и учини кругъ и совѣшь благъ сошвориша о шомъ, и глаголаша другъ ко другу: ошойши ли намъ мѣсна сего или спояши еди-нодушно? Инїи начаша мыслиши и глаголаши: лучше бы намъ было, аще опъидемъ опъ нихъ въ опходъ; а инїи же супрошивъ глаголаху жеспосшїю швердо: «О брашїя наша единомыслен-ная, камо намъ бѣжаши? уже осени досшигшу и въ рѣкахъ ледъ смерзаешся, не дадимся бѣгшву, и шоя худыя сла-вы себѣ не получимъ, ни укоризны на себѣ не положимъ, но возложимъ упо-ванїе на Бога; не опъ многихъ бо вои побѣда бываешъ, но свыше опъ Бога помощь даешся; можешъ бо и безпо-мощнымъ Богъ помощи. Слышали есмы брашїя сами, колико зла сошворихъ безбожнїи они и окаяннїи Агаряне Си-бирскїя земли, Салпанъ Кучумъ, нашей Русской Пермьшей земли, Государе-вымъ городомъ запусшѣнїе, и право-славнымъ Христїаномъ посѣченїе и

плѣненіе веліе, и Спрогановыхъ оспрожкомъ колико зла учиниша? Того ради всемогій Богъ мстишь имъ окаяннымъ за кровь ихъ креспьянскую. Возпомянемъ, брашїе, обѣщаніе свое, како мы чеснымъ людемъ, предъ Богомъ, обѣшы и слово свое даша, и увѣрившеся крешнымъ цѣлованіемъ, елико всемогій Богъ нашъ помощи подасшь, а опшюдь не побѣжаши, хошя до единого всѣмъ умреши, а вспяшь возврашися не можемъ, срама ради и пресшупленія ради слова своего, еже съ кляпвою обѣщахомся. Аще намъ всемогій въ Троицы славимый Богъ поможешъ, шо и по смерти нашей памяшь наша не оскудѣеть въ шѣхъ спранахъ, и слава наша вѣчна будешъ.» И по семь ашаманы и казаки, ушвердившеся вси единомушно, и мужеспвенно укрѣпившеся, и увѣришась до единого, и вси глаголаху едино вкупѣ: «Готови умреши за свяшыя Божія церкви, и за истинную православную вѣру поспрадаши, и благочеспивому

Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи послужимъ, и постоимъ прошиву поганныхъ швердо до крови, и до самыя смерти; и шого, брашя, не премѣнимъ объша своего, и вси единодушно на шомъ станемъ непоколебими.» И всѣмъ совѣшъ имъ бысть благъ. И уже ноши прошедши, свипающу дневи, и солнцу просіявшу, просвѣшися облакъ свѣшлымъ блиспаніемъ, Ермакъ же о дѣлѣ своемъ зѣло печашеся, и рече дружинѣ своей со слезами: « О друзи и брашя! помолимся Богу и Пречиспой его Богомашери, и всѣмъ небеснымъ силамъ и угодникамъ его, дабы сохранени быша опъ нечешивыхъ и окаянныхъ враговъ нашешвѣя.» И изыдоша изъ городка на бой мѣсяца Окшября въ КГ (23) день, на память святаго апостола Іякова брата Господня, и вси вкупѣ, яко единѣми успы тлаголаху: съ нами Богъ! и паки: Господи, помози намъ рабомъ своимъ. И начаша приступаши къ засѣкѣ мужешвенно и сурово зѣло;

и бысть съ погаными брань велія. Поганїи же пустиша спрѣлы пѣмочисленные съ верьху засѣки и изъ бойницъ, и мнозѣхъ ошъ Ермаковы дружины буйшвенныхъ овѣхъ уязвляюшъ, а иныхъ смертно убиваюшъ. Поганїи же видѣвше храбрыхъ мужей паденіе, и разломиша сами засѣку свою въ прехъ мѣспѣхъ, и изыдоша на вылазку, надѣяхуся казаковъ невозвратному бѣгшву предаши; и въ шо время на вылазкѣ соспавишася брань велія, крѣпко бьющася, дондеже другъ друга за руки емлюще сѣчахуся; казацы же на поганыхъ вси единодушно устремилася, и показавше храбрость свою и жесточь предъ нечестивыми и безбожными Агаряны. По малу же времени поганїи начаша оскудѣвати въ силѣ своей, Богъ же казацѣмъ на поганыхъ побѣду дая; казацы жи поля приобрѣшаюшъ, и одолеваяюшъ ихъ, и безчисленно поганыхъ побиваюшъ, и ошъ засѣки ошбиша, и знамена своя на засѣку поспавиша, и Царевича Мамешкула уязвиша, но вои

его увезоша въ малой лодицѣ за Иршишь рѣку. Царь же Кучумъ стояше на висоцѣ мѣспѣ, и видѣвъ своихъ Ташарь паденіе, и сына своего Мамешкула уязвленіе, и бѣгство скоро, повелѣ мулламъ своимъ кликаши свою скверную бусурменскую молишву; и начаша призывати къ себѣ на помощь скверные своя боги, и не бысть имъ ни мало помощи. И въ то время князи Оспяцскіи опойдоша съ своими людьми кождо во свояси. Царь же Кучумъ видѣ свою гибель и царства своего и богатства лишеніе, рече ко всѣмъ своимъ съ горькимъ плачемъ: «О мурзы и уланове! побѣжимъ не медлимъ, сами бо видимъ своего царства лишеніе, сильнѣи наши изнемогоша и храбрѣи воины вси побѣени быша. О горе мнѣ! что сошворю, или камо бѣжу? покры срамоша лице мое. Кто мя побѣди и царства моего лишихъ? просыхъ бо людей послаша на мя Спрогановы изъ своихъ оспрожковъ, свои мнѣ мстиши обиды, ашамановъ и казаковъ

Ермака съ поварищи, не со многими своими людьми, и пои насъ нашедъ побѣди, и полико намъ зла сошвори: воинство мое избиша, и сына моего уязвиша, еле жива ошь нихъ увезоша, и мене самага посрами, и ошь царства моего ошгна, обратися болѣзнь моя на главу мою, и неправда моя сниде на мя; азъ бо чужая съ радостію прияхъ, Русскую землю воевахъ, Пермь великую и Спрогановыхъ оспрожки, а нынѣ всего своего лишень быхъ, и самъ побѣждень бышъ: нѣсть бо шоя радости на земли, иже не премѣнишя на жалосшь.» И прибѣже окаянный во градъ Сибирь и взя себѣ мало нѣчто ошь сокровищъ своихъ, и вдашася невозвращному бѣгству, а градъ Сибирь оставиша пущь. Храбрый же Ермакъ съ дружиною пріидоша во градъ Сибирь, послѣди же рекомый Тоболескъ, мѣсяца Октября въ КС (26) день, на память свяаго Великомученика и Спрасшошернца Дмитрія Селунскаго, и прославиша Бога, давшего имъ побѣду.

на поганныхъ и окаянныхъ Агарянь, радуящесь радостію великою; богатства же ошь злата и сребра, и паволоки златыя и каменіе многоцѣнное, и соболина, и кунья и лисиць драгихъ вельми множество взяша, и по себѣ раздѣляють; дивно бо бѣ слышати, и достойно воиспінну прославиши всесильнаго въ Троицы славиаго Бога, даваго побѣду на поганья супосшашы, и побѣдиша гордаго царя Кучума не многими бо сильными воини Русскими. Елико бо царь Кучумъ собра воинъ своихъ, яко же изрецишь, единому казаку прошивишия съдесятьми, или съ двадцатьми или съ тридесятьми погаными, и зѣло восплакася окаянный о множествѣ вои своихъ погибшихъ; но Богъ гордымъ прошивишия, а смиреннымъ Христїяномъ даешь благодаць свою. На четвертый день прїидоша во градъ къ Ермаку съ дружиною Остяцкїй князь именовъ Боярь со многими Остяки, и привезоша съ собою многіе дары и запасы;

и посемь учили приходиши многіе
Ташарове съ женами и съ дѣшми, и
учали жиши въ прежнихъ своихъ юр-
сахъ.

*О убіеніи казаковъ на рыбной ловлѣ
подъ Яболакомъ.*

Тое же зимы, Декабря въ 5 (5) день,
Волскимъ казакамъ, Ермакове дружинѣ,
безъ опасенія идущимъ къ рыбной
ловлѣ къ нѣкому урочищу, иже зо-
вется Яболакъ; казацы же быша въ спа-
ну своемъ; Царевичъ же Мамешкуль
пришедъ ввезапу и побиша ихъ безъ
оспашку. Слышано же бысть во градѣ
помъ убіеніе ихъ; Ермакъ же о семъ
оскорбися много зѣло и на гнѣвъ под-
вижася, и възъярися сердцемъ вельми,
и повелѣ дружинѣ своей препоясатися
оружіемъ и шедъ на брань, и въ слѣдъ
погнаша поганыхъ и поспигоша ихъ
подъ Яболакомъ. И шако воины пове-
лѣніе Ермаково исполняють и мужески

на поганыхъ нападаюшъ и брань спускаюшъ, и ошо обою спрану другъ на друга сурово и немилосливно на скачушъ, и ошъ смершныхъ пораженій падаюшъ, шрупія мертвыхъ ошо обою странъ; уже бо нощнѣй шъмъ нашедши и брань преспа, а поганіи побѣгоша; Ермакъ же съ дружиною своею возвращашася во градъ.

Како Кугумова сына, Царевича Маметкула, взяше жива.

Тое же весны, по водополію, пришедъ во градъ Тапаринъ именемъ Сеибохша, а сказалъ, что Царевичъ Мамешкуль споишъ на рѣцѣ Вогаѣ, и нѣцы ошъ Ермаковы дружины поидоша на Вогаи, и дошедше мѣста шого и нападоша нощію на спань Царевичевъ, и много поганыхъ побиша, и Царевича Мамешкула жива яша, и во градъ къ себѣ приведоша его. Царь же Кучумъ много шоя на рѣцѣ Ишимѣ, ожидая сына

своего Мамешкула; не по мнозѣ времени прїидоша къ нему вѣспницы и повѣда ему вся поряду, и яко сына Мамешкула казаки полониша; Царь же Кучумъ о семъ не мало болѣзнуешъ, скорбїю велїею одержимъ зѣло, ради сына своего Мамешкула.

О приходѣ князя Сейдека Бекбулатова на Царя Кугума.

И по малѣ времени, прїидоша къ нему инїи вѣспницы, и сповѣдаша ему, яко идешь на него князь Сейдекъ, Бекбулащовъ сынъ, со многими воинскими людьми; Царь же Кучумъ, слышавъ шо, вельми ушрашися зѣло. И по семъ его думчей Карача съ своими людьми ошйде ошъ него; Царь же Кучумъ плакася горько и рече къ себѣ: «его же Богъ не милуетъ, шому и честь на безчестїе приходишь; шого и любимїи друзи оставляють.» Карача же пришедъ въ Лымскую землю, и

нача жиши на большемъ озерѣ , выше
рѣки Тары , близъ рѣки Сосмы.

*О буйствѣ и храбрости Ермаковѣ , и
о взятїи Назыма града и о убїенїи
Никиты Пана Волскаго атамана
съ его дружиною.*

Того же лѣша , храбрспвующу Ермаку съ дружиною своею , и обнажиша мечи свои на нечеспивые , и шолико въ крѣпости меча своего многіе городки и улусы Тапарскіе по рѣкѣ Иршишу и по великой Обѣ , и Назымъ градъ Оспяцкой взяше со княземъ ихъ ; и въ помъ хоженїи погани убиша подъ городки своими , на присшупѣ атамана Никишу Пана съ его дружиною (11). Ермакъ же съ вои своими возврашася во градъ Сибирь , и о помъ изъ Сибири ашаманы и казаки , Ермакъ Тимоѳеевъ съ поварищи , къ чеспнымъ людемъ къ Семену и къ Максиму и къ Никишѣ , въ ихъ городки , писаша : егда Господь ,

въ Троицы славимый Богъ, изволи убо
 одолѣши имъ Кучума Салпана, и градъ
 его спольный взять въ Сибирской его
 землѣ, и сына его Царевича Мамешкула
 жива взяша. И тогда Семень и Максимъ
 и Никиша Спрогановы, изъ оспрожковъ
 своихъ, по ихъ ашамановъ и казаковъ
 ошпискамъ, писаша къ Москвѣ благо-
 чесивому Государю Царю и Великому
 Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи,
 о взятіи и одолѣніи Сибирскія земли
 и яшій Царевича Мамешкула; послѣди
 же того и сами, не во мнозѣ времени
 приѣхавше къ Москвѣ, и Государю о
 всемъ о помъ извѣспиша вся порядку:
 како изъ оспрожковъ своихъ казаковъ
 Волскихъ съ своими людьми ошпусти-
 ша въ Сибирскую землю, войною на
 Сибирскаго Царя Кучума, и о взятіи
 Кучумова сына Царевича Мамешкула,
 и града его спольного Сибири, и о
 ошгнаніи Царя Кучума, и о усмиреніи
 Сибирскія земли, все ему Государю
 повѣдаша. И Государь Царь и Великій
 Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи,

за ихъ службу и радѣнье, пожаловаль города Солью большою, еже есть на Волгѣ, и Солью малою, и грамошу свою Царскую на шѣ мѣста Семену Спроганову пожаловаль, за красною печашью, за приписью Посольскаго Дьяка Андрѣя Щолканова, почему ему шѣми городами владѣши, а Максима и Никишу Спрогановыхъ же пожаловаль, въ городкѣхъ и въ оспрожкѣхъ ихъ шорговаши имъ, и у нихъ всякимъ людемъ безошлинно.

О посланіи казаковъ Государю, къ Москвѣ, съ отписками бити теломъ Государю Царю и объявляти свою службу.

Тогда же они ашаманы и казаки Волстшіи, Ермакъ Тимоѳеевъ съ дружиною своею, изъ Сибири писаше къ Москвѣ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, о взя-

пїи града спольного Сибири, и о опгнанїи Царя Кучума, и о яшїи Царевича Мамешкула, и о усмиренїи Сибирскїя земли. И слышавъ Государь милость Божїю, что Богъ ему, Государю, покориль Сибирскую землю, и Царевича Мамешкула взяша жива, и шѣхъ казаковъ пожаловаль, кои къ нему Государю приѣхали съ шою вѣспїю, великимъ своимъ жалованьемъ, деньгами, и сукнами, и камками; а кои въ Сибири ашаманы и казаки, и шѣмъ Государь пожаловаль, велѣль послашь имъ свое Государево полное большое жалованье, и воеводъ велѣль оппустишь съ людьми служилыми въ Сибирскїе города, копорые ему Государю Богъ поручиль, а Царевича Мамешкула указаль Государь къ Москвѣ послаши.

---

*О посланіи съ Москвы Государевыхъ
Воеводъ въ Сибирь Князя Семена Бол-
ховскаго да Ивана Глухова.*

И во второе лѣшо, по взяшїи Си-
бирскїя земли, послалъ Государь Царь
и Великій Князь Иванъ Васильевичъ
всеа Русїи, съ Москвы, Воеводъ Князя
Семена Болховскаго да Ивана Глухова,
со множествомъ воинскими людьми,
въ Сибирь; а шаманы же и казаки спрѣ-
шоша ихъ съ великою честїю; Госу-
даревы же Воеводы, по Государской
росписи Государево имъ жалованье
объявиша, и пришедъ въ городъ въ Си-
бирь и имъ даша. Они же шаманы и
казаки, Государевыхъ Воеводъ одариша
драгими собольми, и лисицами и вся-
кою мягкою рухлядью, елико кто что
можаху, и радости наполнишася, и ве-
селяхуся благодаряще Бога, видя къ се-
бѣ Государское жалованье, что къ нимъ
пожаловалъ Государь послалъ за ихъ
шаманскую и казачью службу (12).

*Како въ Сибири бысть гладъ
людемъ.*

Тое же зимы, егда прїидоша Московспїи вои въ Сибирь къ казакамъ, и кои запасы съ собою привезоша и шїи изьядоша, а казацы запасъ пасяху, смѣшеса по своимъ людемъ, а шого не вѣдуще Московскїя силы людей пришествїя къ себѣ; и шого ради бысть оскудѣнїе велїе всякимъ запасомъ, и мнози опъгладу изомроша Московспїи вои и казацы, и Воевода Князь Семень Болховскїй шожь умре, и положень бысть въ шо время въ Сибири. И по семь убо зимняя година пройде, мразу и спудени облегчевшу опъ солнечныя шеплошы, и настпомъ наставшимъ, и звѣриной ловлѣ лосьей и оленьей присївшу, и шѣмъ людемъ питающеса и гладу облегчевающу, и егда веснѣ присївшу, и опъ шеплости воздуха снѣгу разшаявшу, и всяка шварь бошѣюще, и древесамъ и правамъ прорашающимъ, и опшверзенїе водамъ бысть,

погда убо всяко живошно веселящеса, и пшицамъ прилепающимъ въ ша мѣ-ша плодовъ своихъ ради, и въ рѣкахъ рыбамаъ плоду ради ходящимъ, и рыбной ловлѣ и пшичьей бывшу много множешво, и шою ловишвою пшавшеса, и гладу людемъ не бысть, а кои языцы окрешъ живуще того мѣша, Ташаровя, и Ошяки и Вогуличи привожаху имъ запасы ошъ звѣрей, и пшиць, и рыбъ и ошъ скопъ вельми множешво, кои подъ его Государевою рукою бысть дальни и ближни, и ошъ шоваровъ драгихъ, ошъ всякїя мягкїя рухляди. Тогда Московспїи людіе и казацы, Божїею милоспїю, всякими брашны изобильны быша и богапшства себѣ приобрѣшающъ множешва, ошъ торгу мягкїя рухляди, и пребывающе въ радости и въ веселїи, благодаряще всемогущаго Бога, что дарова Богъ Государю шакую благодапшную землю.

О посланіи Царевича Маметкула Кучумова къ Москвѣ.

По повелѣнію Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Воевода Иванъ Глуховъ и Сибирскіе ашаманы и казаки, послаша ко благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, во царствующей градъ Москву, Царевича Сибирскаго Кучумова сына Мамешкула, со многими его людьми; и второе ошь Государя, съ Москвы въ Сибирь, ашаманомъ и казакомъ, бысть великое жалованье.

О убіеніи атамановъ Ивана Кольца и Якова Михайлова съ дружиною.

Того же лѣша, пріидоша во градъ къ Ермаку съ дружиною, ошь Карачи послы просиши людей, оборониши ихъ ошь Нагайской орды, и шерповаша на помъ, что ни кошораго зла

казакомъ не учиниши и не мыслиши. Ермакъ же съ дружиною повѣриша ихъ безвѣрному шертованію, а они зли Агаряне совѣщаша совѣшь неблаго- дарный на Хрисіанъ; казацы же оску- дѣша умы своими, и не помянуша реченнаго Пророкомъ: не всякому духу вѣруйше, но испытайше духи; не всякъ бо духъ ошь Бога ешь, ешь бо духъ Божій и духъ льсечь; и льспи и лу- кавспва ихъ окаянныхъ не уразумѣша, и нрава ихъ не вѣдуша, чшо сверхъ ихъ шерпи емлюшь у нихъ аманашовъ, ихъ ради злаго пронырспва и непос- тоянспва лукаваго Карачина, и невоз- могоша домыслилися, и оппустиша къ нему ашамана Ивана Кольца, да съ нимъ $\bar{M}$ (40) человекъ, и шїи сами предашася въ руки окаяннымъ и нече- стивымъ врагомъ, безбожнымъ Агаря- номъ, и шамо вси сїи избїени быша ошь нечестиваго Карачи. Слышано же бышь во градѣ ашаманомъ и казакомъ, чшо ашаманъ Иванъ Кольцо съ дружи- ною своею побїени быша, и рыдаху

горько по нихъ вся брашїя, плачуще изъ глубины сердца. Вниде же сїя во уши поганыхъ Агарянь, кошорїи живяху близь града того, яко ашаманъ Иванъ Кольцо съ дружиною побьени быша, шогда ашаманъ Яковъ Михайловъ, хошя надъ окаянными промысль учиниши; поиде подъ нихъ въ подсмопръ; они же окаяннїи яше его и убиша: и тако сїи добрїи и храбрїи воины ашаманы скончашася.

О приходѣ подъ городъ Карагинъ и о побѣдѣ и о убїенїи сыновѣ его.

Того же года, во время свяшаго великаго посша, егда насшавше мѣсяць Мартъ, въ шо же время насшоющїя шоя години, прїиде Карача со многими своими людьми въ силѣ и въ мощи своей, облегоша весь градъ обозами; самъ же Карача спаль не въ коемъ мѣспѣ, зовомомъ Саусканъ, опъ града яко поприща за шри. Казацы же пре-

бывающе во осадѣ не мало время, зима уже мимоиде, прилѣшіе же прїиде, веснѣ приспѣвшу, пошомъ же и лѣшу дошедшу, земля прошибающе злакъ свой и возраспающе семена своя и пшцамъ возпѣвающимъ, но вкращѣ реку, вся сушь обновляема, Карача же нимало ошспуни, но споя во обступленїи града, хошя ихъ умориши гладомъ, и аки нѣкая ехидна, дыхая на казаковъ уклонишася въ злоокаянную свою мысль, хошя ихъ похишишь, и просшре руки своя окаянный на убьенїи казаковъ, и собранїе ихъ хошя себѣ взяши, и споя подь градомъ многое время. И егда мѣсяць Іюнь насша и приспѣвшу дни $\overline{\text{Б}}$ (12) повраша зимняго, и въ шо время, въ едину ношть, съ казацы же ашаманъ Машѳей Мещерякъ изыдоша изъ града ошай, гласу же ни виску никако же ни опъ одинаго не бышъ, и пришедъ къ шаномъ Карачинымъ и умыслиша напасши на нихъ, и хошя ошомшшиши наносимыя имъ ошъ него шяжкїя обиды, и поидоша на

нечесливаго и лживаго супостапа, и шамо ему жеспоко и немилосливно опомщеніе покушахуся воздати; во градъ же остася Ермакъ не со многими людьми. Прїидоша же прочїи казацы подь Карачу въ Саускань, и мужески и храбро на спаны ихъ нападоша, поганымъ же спящимъ безо всякаго опасенїя, и милосшїю Божїею и Пречислыя Богородицы помощїю, казацы же поганыхъ посѣкоша много множество, и дошедше близъ Карачина спану, и дву сыновъ его убиша, поганїи же бѣгають опъ казаковъ семо и овамо; самъ же Карача и съ нимъ не мнози за озера убѣгоша, и инїи же побѣжаша, идѣже поганїи спояша во оспупленїи града, и уже ноци прошедши, свѣтающи днєви, поганїи же слышавше се опъ града вси скоряшъ въ Саускань, надѣяхуся казаковъ смерти предапи, и доидоша до нихъ и нача соссавляпи брань, казацы же ни мало шого успрашишася, но и паче укрѣпляшеся, поганїи же на нихъ жеспоко приступающе,

казацы же ошь нихъ защищахуся въ Саусканѣ, и шако бысть брань до полудни, и пресша бранное ополченіе, поганїи же општупиша ошь нихъ, казацы же возврашишася во градъ свой радующеся, и веселящеся, и хвалу воздающе всемогущему Богу; видѣвше же Карача, яко казаковъ одолѣти не може, и ошойде во свояси съ срамомъ.

*О убїенїи храбраго атамана Ермака
съ Русскими вои.*

Того же лѣша, мѣсяца Августа въ 5го (5) день, на предпразднество Преображенїя Господня, на память свяшаго мученика Евсигнїя, прїидоша вѣспницы ошь Бухарцовъ шорговыхъ людей, ашаманомъ и казакомъ къ Ермаку съ дружиною и сказаша, что ихъ Царь Кучумъ не пропустишь; и Ермакъ же не со многими людѣми поиде на встрѣчу (по рѣкѣ) Иршишу, и пришедъ на Вогаи Бухарцовъ не обрѣше, и доидоша

до мѣста, зовомаго Атбашъ, и опшолѣ
 возрашишася, уже бо дни прешедшу
 и ноцнѣй шѣмѣ нашедши, казацы же
 зѣло упрудишася опѣ многого пуши,
 и дошедше до перекопа и обночевав-
 шеся шу. Царь же Кучумъ подсмотри
 ихъ, и разосла многихъ Ташаръ, и по-
 велѣ швердо спрещи; шое же ноци
 быспѣ дождь великъ, поганїи же, аки
 ехидна нѣкая, дышуще на Ермака съ
 дружиною, и мечи свои гоповляху
 на опомщенїе, уповаху наслѣдипи, ко-
 нецъ желаемаго своего дѣла возхошѣша
 учинипи: время же бѣ насша яко въ по-
 лунощи, Ермакъ же съ дружиною спаху
 въ спанѣхъ въ полагахъ, поганїи же
 яко неистово дышуще гоповляшеся
 на пролишїе крови, и разумѣша, яко
 время еспѣ уже хошѣнїе свое испол-
 ниши, и скоро оружїе свое извлекоша,
 и на спанѣ ихъ нападаюшѣ, и обнажен-
 ными мечи погубляюшѣ ихъ, и шако
 шу вси избїени быша, единѣ шокмо
 упече; а велеумный и храбрый ршорѣ
 Ермакъ убїенѣ быспѣ(13). Послѣди же нѣ-

цы глаголюшъ ошъ языкъ о шомъ , яко
 возпрянувъ шу храбрый вашъ воинъ и
 Ермакъ ошъ сна своего , и видѣ дру-
 жину свою ошъ насъ побиваемыхъ , и
 ни коея надежды можно имѣши ему
 живопу своему , и побѣже въ спругъ ,
 и не може доиши своихъ си , понеже бо
 въ дали разстоянїе , и шушо ввержеса
 въ рѣку и ушопе ; но посланїемъ Бо-
 жїимъ прїиде на воиновъ храбрыхъ и
 крѣпцыхъ казацевъ внезапу смершь , и
 шако живопъ свой скончаша . Слышано
 же бысь во градѣ ашаману Машею
 Мещеряку съ дружиною , яко начальный
 ашаманъ , велеумный Ермакъ съ дружи-
 ною , побьени быша , они же во градѣ
 плакахуса по нихъ горько .

~~~~~

О походѣ казаковъ на Русь.

И не по мнозѣхъ днѣхъ ашаманъ Маше-
 ей Мещерякъ со оставшими казаки
 поидоша на Русь , а градъ оставиша
 Сибирь пусшь .

~~~~~

*О приходѣ Царевича Аллія Кучумова
во градъ.*

Егда же они казаки изъ града изыдоша, тогда Царевичъ Алли, Кучумовъ сынъ, видѣ бо казакѡвъ изшедшихъ изъ града, и пришедъ съ своими людьми во градъ; посемъ и отецъ его Царь Кучумъ прїиде шу во градъ свой спольный Сибирь, радовашеся.

О приходѣ Сейдековѣ.

Вниде же сія во уши князю Сейдеку Бекбулашову сыну, яко вождь и наставникъ казачей, ашаманъ Ермакъ, убїенъ бысть, а прочїи казаки изъ града поидоша, и сему Ташарове радовахуся и веселяхуся вельми зѣло, понеже боязнь велїю ошъ нихъ имѣяху; попомъ князь Сейдекъ Бекбулашовъ небоязненно прїиде ко граду Сибири, и Царя Кучума побѣди и градомъ Сибирью облада.

*О второмъ приходѣ съ Москвы Воеводы
Ивана Мансурова, и о возвращеніи
Волскихъ казаковъ атамана Матѳея
Мещеряка съ товарищи и съ прогими
оставльшимися воинскими людьми,
иже прежде бывшихъ въ Сибирской
землѣ войною.*

Во второе лѣто по Ермаковѣ убіе-
нїи, въ лѣто 344 (1586) году, послѣ
Семенова дни лѣтопроводца, посла
Государь изъ царшвующаго града
Москвы Воеводу Ивана Мансурова со
многими воинскими людьми, и шой
пришедъ на Туру рѣку, ту встрѣшоша
Волскаго ашамана Матѳея Мещеряка
съ дружиною, и радовахуся и весели-
шася казацы о пришествїи воеводъ въ
Сибирскую землю, и ошполѣ возвра-
тишася вси вкупѣ единодушно на без-
божныхъ Агарянь; и пойдоса въ низъ
по Турѣ, и по Иршишу и до Тоболу,
идѣже нынѣ Богоспасаемый Русскій
градъ Тоболескъ. Поганїи же, собра-
шася во уреченномъ мѣстѣ, у рѣки

Ирпиша на берегу. Воевода же видѣвъ плаковое цоганыхъ собраніе и успрашишася вельми, и не присташа ко берегу, и паки поидоша въ низъ по Ирпишу, и дойде великія рѣки Оби; бѣ бо тогда уже осень, и наша година зимняя и воздухъ небесный премѣнися на спудень, и бысть снѣгове и ледь по рѣцѣ смерзаешся; Воевода же оный видѣ премѣненіе воздуха, яко наша зима, и шу озимѣвше и посшавиша городокъ надъ рѣкою Обью, на усть Ирпиша, и сѣдше въ немъ со всѣми людьми своими; съ ними же бѣ и Волстїи казацы Машеѣй Мещерякъ съ дружиною.

О пришествїи Остяковъ подъ городокъ.

По нѣколицѣхъ же днѣхъ, прїидоша подъ городокъ Остяковъ множество, и начаша приступати со всѣхъ странъ, людіе изъ городка того прошиву нашедшихъ прошивляхуса со спѣнъ го-

родка; нашедши же нощнѣй шѣмѣ, поганїи опшступиша. На упрїи же поганїи паки прїидоша къ городку и принесоша кумира своего, его же чшяху, и посшавиша его близь городка подѣ древомѣ, въ низкомѣ мѣспѣ, и начаша предѣ нимѣ жреши, чая себѣ нечешивїи помощника Хрисшїянѣ одолѣши и мечу ихѣ предаши; шой же кумирѣ поганымѣ нарочишѣ и славенѣ, и мнози поганїи приносяшѣ ему дары изѣ дальнихѣ городовѣ вельми множешво, по вся дни, и въ шо время изѣ городка казаки спрѣлиша изѣ пушки, и древо оно, подѣ нимѣ же поганїи кумиру шворяху жершву, разбиша на многїя часши, и кумира ихѣ сокрушиша; и сего поганїи Агаряне уштрашишася, невѣдуще сего и мняху, яко изѣ лука спрѣлиша нѣкшо, и рекоша сами себѣ: сильни убо Русшїи воини спрѣляши, шакое великое древо разбиша и боги наша сокрушиша, и ошѣ шого времени къ городку приходиши Ошпяки не спаша.

О третьемъ приходѣ съ Москвы Воеводы Данила Чулкова.

И по нѣколицѣ времени, благочестивый Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, прислалъ съ Москвы въ Сибирь Воеводу Данила Чулкова со многими воинскими людьми, и со огненнымъ нарядомъ (14); и пришедъ въ Сибирскую землю. Слышано же бысть бусурменскимъ языкомъ въ Сибири приходъ его, Тапарове же сего убояшася Русскихъ вой много пришествія, избѣгоша оупъ града своего, идѣже прежде сего бысть въ Сибири Тапарскій ихъ городокъ спольный усть Тобола и Ирпиша, иже именуемый Сибирь, оставиша его пуста; Русіи же вой пріидоша, и сѣдоша въ немъ, и ушвердивше градъ крѣпко, идѣже бо нынѣ именуемый Богоспасаемый градъ Тоболескъ.

О приходѣ князя Сейдека Бекбулатова съ Сибирскими людьми войною подъ городъ Тоболескъ.

Умысли сей окаянный бусурменскій князь Сейдекъ съ Сибирскими людьми, собрании воинства множество себѣ, и пришедъ войною подъ городокъ Тоболескъ, хоша его взяти, и людей въ немъ побити, да не будутъ въ нашу землю селилися Русскіи людѣе, и Государевымъ воеводамъ сказася, что прїиде для торгу, а людей своихъ воинскихъ поставилъ въ укрытѣ, и торговаша съ Русскими людьми день, и наупрїя прїиде подъ городъ шайно присупомъ со всѣми своими людьми, и обляже градъ, и нача къ нему присупати. Московскіи же людѣе и Волсти казацы видѣвъ ихъ беспудство и жестокой присупъ ко граду, и послабиша имъ приближися къ спѣнамъ града, и начаша по нихъ со града спрѣляти, и многихъ побити, а инїи изъ града къ нимъ на вылазку вышедше, и мно-

гихъ побиваше бусормень, и живыхъ яша, и самага князя Сейдека на помъ бою ухвашиша ранена; они же окаяннїи бѣгству яшася и въ спаны своя бѣжаша, Русїи же вои и до спановъ ихъ за ними гнаша сѣкуще; они же оставиша спаны своя и все свое богапство въ спанѣхъ своихъ и сами едва ушекѡша; и на семь бою Волскїй ашаманъ Машѡей Мещерякъ убїенъ бысть; и ошполѣ на всѣхъ Сибирскїя земли бусорменѣхъ бысть спрахъ велїй, и всѣ Ташарова ближнїи и дальнїи не смѣяше къ Государевымъ городомъ войною приходиши (15).

*О устроенїи градомъ и острогомъ
въ Сибирской землѣ.*

По повелѣнїю Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русїи, и по немъ сына его Государя Царя и Великаго Князя Θεодора Ивановича всеа Русїи, начася въ Сибирской

земль города и остроги поставлялися, и разпространялися въ Сибирской странѣ крестьянская православная вѣра, и церкви Божія воздвигнушася, и проповѣдь Евангельскаго ученія общече во вся конца Сибирскія земли, и псаломскій громъ огласи на многѣхъ мѣстѣхъ; повелѣнїемъ ихъ Государей поставишася грады и остроги Христіянскія, и въ нихъ церкви Божія воздвигнушася, и монастыри сославишася въ славословіе Отцу и Сыну и святому Духу. И видѣвше невѣрнїи такую благодать въ ихъ странѣ просїявшу и Государскую высокую руку надъ собою возвысившуся, и подъ его Государеву руку мнози покоришася, и оставльше свою богомерскую вѣру, и мнози невѣрнїи приходяще въ крещенїе и крестящесе живуще въ православной вѣрѣ, и всюду убо Божія благодать разпространяшеся, и богато изліяся въ Сибирской странѣ земли.

О ясашномъ сборѣ.

По взяшїи же и по очищенїи всея Сибирскїя земли и по усмиренїи бусурменскаго языка Сибирскихъ Ташарь, и Оспяковъ и Вогуличъ, честныхъ людей Семена и Максима и Никишы Спрогановыхъ промысломъ, и подмогою, и храбрствомъ и мужествомъ добрыхъ и добродородныхъ воинъ ашамановъ и казаковъ, Ермака Тимоѳеева Поволскаго съ поварищи, и еще къ сему приложища шїи честнїи людїе, кои бусурмене живуще близъ ихъ городковъ и ошпрожковъ по Камѣ, и по Чусовой, и по Усвѣ, и по Сылвѣ, и по Яйвѣ, и по Обвѣ, и по Инвѣ, и по Косвѣ и по инымъ рѣкамъ, и шѣхъ всѣхъ бусурменъ приведоша къ шерпи, чпо имъ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи служши безъ измѣны, и во всемъ ему Государю прямиши и доброхошиши, и ясаки съ себя имъ даваши. И ошполѣ начаша Семень и Максимъ и Никиша,

изъ городковъ и изъ оспрожковъ своихъ, шого ясашнаго ради сбору по рѣкамъ въ Ташарскіе, и въ Остяцкіе и въ Вогульскіе улусы, людей своихъ посылаши и ясакъ съ нихъ бусурмень собираши, и къ Москвѣ съ людьми своими въ Ноугородскую четь посылаши. И попомъ повелѣнїемъ Государевымъ Государя Царя и Великаго Князя Θεодора Ивановича всеа Русїи, и съ шѣхъ бусормень ясашные сборы начашася собираши по городомъ ошъ воеводъ, гдѣ шѣ языцы живяху въ разныхъ мѣспѣхъ : въ Чердынъ, и на Уфу, и на Верхошурьѣ и по инымъ городомъ Сибирскимъ, гдѣ шѣ языцы окрестъ живуще близъ городовъ (16).

Изложена же бышь сїя повѣсь о посшавленїи городовъ и остроговъ въ Сибирскихъ земляхъ и о оплущенїи въ Сибирь ашамановъ и казаковъ Ермака Тимоѣева съ шоварищи, и о пошожденїи ихъ казачьемъ въ Сибирскихъ спранахъ, и о побѣдѣ Царя Кучума, и о взятїи сына его Царевича Мамешкула, и о владѣнїи

Сибирской земли Государевыхъ людей Русскихъ, сія слова о семъ переходящъ въ конецъ сей повѣсти, всякъ бо чпый да разумѣешь и дѣло шликія вещи не забываешь, на возмнаніе сіе писаніе написахъ, да незабвенной будешь шликія вещи шрудъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ

ЛѢТОПИСИ СИБИРСКОЙ.

(1). Примѣръ вѣроломства Кучумова. Въ то время, когда онъ увѣряетъ Царя Іоанна Васильевича въ дружбѣ своей, сынъ его грабиль и убиваетъ Русскаго посланника, прибывшаго къ Кучуму съ жалованною Царскою грамотою. Не лзя думать, чтобы Мамешкуль сдѣлалъ сіе безъ воли отца; но безъ сомнѣнія дружба Кучумова была для того только, чтобы произведя въ Русскихъ оплошность, тѣмъ вѣрнѣе и удобнѣе беспокоить ихъ набѣгами. Полишника, достойная Ташарскаго сердца. Подлинная грамота о убіеніи Трешняка Чебукова и различныхъ выгодахъ, пожалованныхъ Строгановымъ, помѣщена Миллеромъ въ описаніи Сибирскаго царства (гл. II, § 18, стр. 70—74). Здѣсь же приво-

дится грамота отъ Кучума къ Царю Іоанну Васильевичу, писанная въ 1570 году, и любопытная по слогу и Исторической достопамятности.

« Богъ богатъ. »

« Вольный человекъ Кучумъ Царь, Великій Князь Бѣлый Царь. Слыхали есмь . . . еси и справедливъ; мы и весь народъ земли воююмся; а не учнушъ воевашя и они миряшя. Съ нашимъ отцомъ швой *отецъ* гораздо помирился, и гости на обѣ стороны ходили, потому что швая земля близка; люди наши въ упокоѣ были, а межѣ ихъ лиха не было, а люди *черные* въ упокоѣ, въ добрѣ жили; и нынѣ при нашемъ и при швоемъ времени люди черные не въ упокоѣ. А по ся мѣсто грамоты къ тебѣ не посылаю есмь потому, что не съ копорымъ намъ война была и мы того недруга своего взяли; и нынѣ похощу миру, и мы помиримся, а похощу воевашя, и мы воюемся: пѣши шши человекѣвъ въ поиманьи держашъ, землѣ въ шомъ что? Язь пошлю посла и гостей, да гораздо помиримся, только похощу съ нами миру, и ты изъ шѣхъ людей одного, копорые въ поиманьи сидяшъ, опшусши и своего человекѣ съ ними къ намъ пришли гонцомъ. Съ кѣмъ

отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ шѣмъ и сыну его въ недружбѣжъ были пригоже; будетъ въ дружбѣ бываль, ино въ дружбѣ и были, кого отецъ обрѣлъ себѣ друга и брата, сыну съ шѣмъ въ недружбѣ были ли? И нынѣ . . . помиримся брапомъ старѣйшимъ . . . чимъ учинимся въ опечеспѣвѣ . . . спѣвѣ учинимся, шолько похощь миру, и пы на борзѣ къ намъ гонца пришли. Молвя, съ поклономъ, грамопу послалъ.»

Грамоша сѣя въ переводѣ (вѣроятно съ Татарскаго языка) напечатана въ Собраніи Государственныхъ Грамошъ и Договоровъ, во II часпи, на стр. 52. — Я перемѣнилъ въ ней шолько правописание, и выставилъ или дополнилъ нѣкопорыя разобранныя мною слова, вмѣсто коихъ въ печатной грамошѣ поставлены точки, оплчивъ ихъ ошъ прочихъ косыми буквами.

(2) Миллеръ, слѣдуя Тобольской лѣтописи, предпочитаемой имъ *по полнотѣ* ея предъ всѣми другими, утверждаетъ (Истор. Сибир. кн. I, гл. 2, стр. 75 — 79), что будно бы Ермакъ съ поварищами своими бѣжалъ съ Волги на Каму въ 1577 году, убоясь преслѣдованія Спольшника *Ивана Мурашкина*, и

что всѣхъ людей было съ нимъ до семи тысячъ. Тоже самое говоритъ Фишеръ въ своей Сибирской Исторіи (кн. I, стр. 114), которая впрочемъ не иное что есть, какъ сокращеніе Миллеровой. Тоже повпоряютъ и многіе другіе, переписывавшіе ихъ сочиненія.

(3) Ни Миллеръ, ни Фишеръ, ни послѣдователи ихъ не говорятъ, чтобы Ермакъ съ товарищами прожилъ въ Чусовскихъ городкахъ два года и два мѣсяца; а потому всѣ они несогласны въ счисленіи времени съ изданною нами Лѣтописью.

(4) У Миллера (Истор. Сибир. гл. 2, стр. 79—82) и у Фишера (Истор. Сибир. кн. 2, стр. 116—118) сказано о двухъ походахъ Ермака съ товарищами опять Спроганова въ Сибирь: о первомъ въ 1578, изъ котораго они сбившись съ дороги безъ всякаго успѣха возвратились, и о второмъ удачномъ походѣ въ 5,000 человекъ въ 1579 года, для коего Спрогановъ снабдилъ ихъ искусными проводниками изъ Зырянъ, оружіемъ и запасами. Но чтобы при семъ случаѣ оправили съ ними Спрогановы изъ принадлежащихъ имъ

городковъ своихъ рапныхъ людей *Литву*, *Нѣмцевъ* и *Татаръ*, ни одинъ изъ сихъ Историковъ не упоминаеть.

(5) Грамоту сію Миллеръ напечаталъ подлинникомъ (Истор. Сибир. гл. Ш, § 3, стр. 117—119); но съ нѣкоторыми пропусками, перемѣнами и прибавленіями противъ нашей Лѣтописи, и при томъ помѣспилъ ее послѣ взятія Сибири, между тѣмъ, какъ ей должно бы предшесипсоватьъ тому. Историческая важность сей грамоты, показывающей истинное время отправленія Спрогановыми Ермака съ товарищи на Сибирь, побудила меня внести сюда Миллеровъ списокъ, съ означеніемъ косыми буквами всѣхъ прибавленныхъ имъ словъ, и такими же буквами въ скобкахъ, находящихся въ нашей Лѣтописи, но Миллеромъ пропущенныхъ или переименныхъ.

« Опъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссіи въ Чюсовую Максиму Яковлеву сыну, да Микипѣ Григорьеву сыну Спрогановымъ, писалъ къ намъ изъ Церміи Василій Пелепелицынъ, что послали вы изъ остроговъ (*изъ острожковъ*) своихъ Волжскихъ ашамановъ и казаковъ Ермака съ по-

варищи воевать Вопяки, и Вогуличей (и Татаръ), и Пелымскія и Сибирскія мѣста Чѣ (7091 года) Сентября въ 1 день, а въ пошъ же день собрався Пелымской Князь съ Сибирскими людьми и съ Вогуличи приходилъ (приходили) войною на наши Пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни, (и) къ острогу приступалъ (приступали), и нашихъ людей побили, и многіе убыпки нашимъ людямъ починили (учинили), и по сдѣлалось вашею измѣною, вы Вогуличъ, и Вопяковъ и Пелымцовъ опъ нашего жалованья опвели, и ихъ задирали (задрали) и войною на нихъ приходили, да шѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ Салтаномъ ссорили насъ, а Волжскихъ апамановъ къ себѣ призвавъ воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указа, а шѣ апаманы и съ казаки прежь того ссорили насъ съ Нагайскою ордою, пословъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали, и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людямъ многіе грабежи и убыпки чинили, и имъ было вины свои покрыши шѣмъ, что было нашу Пермскую землю оберегать (оберегати) и они сдѣлали съ вами вмѣстѣ по помужь, какъ на Волгѣ чинили и воровали, въ копорой день къ (въ) Перьми (и) къ Чер-

дыни приходили Вогуличи Сентября въ 7 день, а въ топъ же день опъ тебѣ (васѣ) изъ остроговъ (изъ острожковъ Ермакъ съ поварищи пошли воевать Вогуличи, (и Остяковъ и Татаръ), а Перми ни чемъ не пособили, и то все сталося вашимъ воровствомъ и измѣною, а только бы вы намъ служили, и выбъ тѣхъ козаковъ въ тѣ поры въ войну не посылали, а послали ихъ и своихъ людей изъ своихъ остроговъ нашия земли Пермскія оберегать. И мы послали въ Пермь Воина Оничкова, а (и) велѣли шѣхъ казаковъ Ермака съ поварищи взявъ опвеспи въ Пермь и въ Усолье въ Камское, и шупо (тутѣ) имъ споятъ (стояти) велѣли раздѣляся, и изъ тѣхъ мѣстъ на Пелымскаго Князя зимою на нартахъ ходить воевати велѣли есмѣ тѣмъ всѣмъ казакамъ, и Пермичамъ и Вятчанамъ, съ своими Посланники съ Воиномъ съ Оничковымъ да съ Иваномъ съ Глуховымъ, чтобъ впередъ воинскіе люди Пелымцы, и Отяки и Вогуличи съ Сибирскими людьми на наши земли войною не пришли, и наша земли не извоевали; а велѣли есмѣ тѣмъ казакамъ быти въ Пермь до весны, и на Отяки

и на Вогуличи ходити съ Воиномъ воевать и ихъ въ нашу волю приводитъ по нашему указу. А выбъ обсылася въ Чердынь съ Васильемъ съ Пелепелицинымъ и съ Воиномъ съ Оничковымъ посылали отъ себя воевать Вогуличъ и Отяковъ, а одноличнобъ естя по сей нашей грамотѣ казаковъ всѣхъ полько къ вамъ изъ войны пришли, послали ихъ въ Чердынь поспчасъ и у себя ихъ не держали; а будешъ для приходу вамъ въ оспрогъ быпи нельзя и выбъ у себя оспавили не многихъ людей челоуѣкъ до спа съ копорымъ ашаманомъ, а доспальныхъ всѣхъ выслали въ Чердынь однолично поспчасъ (а однолично бы вамъ у себя казаковъ не держати, а буде вамъ для приходу въ оспрогѣхъ быпи нельзя и вы бы у себя оставили не многихъ людей съкоторымъ атаманомъ челоуѣкъ до спа, а достальныхъ всѣхъ выслатъ въ Чердынь однолично тотчасъ). А не вышлепе изъ оспроговъ своихъ въ Пермь Волжскихъ казаковъ ашамана, Ермака Тимофѣева съ поварищи, а учнепе ихъ держати у себя, и Пермскихъ мѣспъ не учнепе оберегати, и шакою вашею измѣною чпо надъ Пермскими мѣспы учинишся отъ Вогуличъ и отъ Пе-

лымцовъ и опъ Сибирскаго Салпана людей
 впередъ (*и впередъ*), и намъ въ помя на васъ
 опала своя положишь большая. А атамановъ
 и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ
~~служили~~, а нашу землю выдали, велимъ пе-
 ревѣшати, а выбъ пѣхъ казаковъ однолично
 оппустили опъ себя въ Пермь, и нашимъ
 дѣломъ надъ Целымцы, и на Вогуличи и
 на Вотяки промышляли по нашему ука-
 зу ссылаяся о томъ съ Васильемъ Пеле-
 пелицынымъ и съ Вономъ Оничковымъ,
 чтобъ далъ Богъ ихъ извоовать, и въ
 нашу волю привести, а Пермской земли
 и вашихъ остроговъ уберечи. Писанъ на
 Москвѣ лѣта 7091 Ноября 16 дня.»

Удивительно, что Миллеръ, имѣя у себя
 въ рукахъ столь важный Исторической до-
 кументъ, какова грамота, основался во вре-
 мени опправленія козаковъ Спрогановыми
 въ Сибирь на недостоинной въропя Тобольской
 лѣтописи, и показалъ ранѣе озна-
 ченнаго въ нашей Лѣтописи двумя годами,
 двумя мѣсяцами и осмнадцатью днями; а
 посему и послѣдующія произшесствія несо-
 гласны ни съ сею грамотою, ни съ Лѣто-
 писью, и въропно, съ самою испиною.

(6) Миллеръ и Фишеръ, до прихода Ермака съ поварищи на успѣ рѣки Тавды, помѣспили многія произшесствія, заимствованныя первымъ изъ Тобольской лѣтописи; но которыя по собственному его признанію (Истор. Сибир. гл. II, § 55) не содержатся ни въ какомъ другомъ лѣтописцѣ. Не утверждая и не опровергая достоверности оныхъ произшествій, кромѣ тѣхъ, коихъ баснословный вымыселъ съ перваго взгляда открывается, замѣтимъ: 1) что по нашей Лѣтописи Тапаринъ Таузакъ, у Миллера названъ *Таузаномъ*, и припомъ не сказано имъ, чтобы онъ отправленъ былъ отъ Ермака къ Кучуму, а вмѣсто того приведенъ другой Тапаринъ *Кутугай*, съ которымъ буди по бы посланы были даже дары отъ перваго къ послѣднему; но сего также нѣтъ ни въ нашей Лѣтописи, ни въ другихъ, по словамъ самаго Миллера; 2) что Ермакъ во вторичный походъ отъ Сирогановыхъ отправился съ 3,000 человекъ; на сдѣланномъ же имъ весною въ 1580 году смотрѣ было уже только 1636 человекъ, а послѣ бою съ Тапарами на Турѣ весною 1581 года, осталось не больше 1060 человекъ; послѣднее число людей довольно близко съ тѣмъ, какое показано и въ нашей Лѣтописи,

при отправленіи Ермака отъ Спрогановыхъ.

Повѣствованіе Таузака предъ Кучумомъ, отличающаюся совершенною простотою, показываетъ, что соотечественники его не были еще знакомы съ губительнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, извѣстнымъ въ Европѣ прежде того за 240 лѣтъ. «Такови бо суть Русїи воины сильнїи, говоритъ онъ Кучуму, егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огонь пашеть и дымъ великъ изходитъ и громко толкнеть, аки громъ на небеси, а стрѣль изходящихъ отъ нихъ не видѣши.» Сіе приводитъ на мысль жипелей Новаго Свѣта, которые подобнымъ удивленіемъ поражены были, увидя Испанцевъ и огнестрѣльное ихъ оружіе.

(7) Въ другихъ извѣстіяхъ Царь *Иванъ* называется *Онъ* и *Онсомъ*. Разысканіемъ о немъ и прочихъ упоминаемыхъ здѣсь владѣтеляхъ, Миллеръ и Лербергъ наполняютъ нѣсколько страницъ. Миллеръ полагаетъ, что Онъ жилъ во время Чингисъ - Хана, а Лербергъ, что во второй половинѣ XIV вѣка, и былъ тотъ самый, о которомъ Абулгази говоритъ подъ именемъ Онди, и который

произходитъ отъ Шейбани Хана , сына Тушѣева и внука Чингисъ-Ханова. Шобѣдипель же Она , по мнѣнію перваго (Истор. Сибир. гл. I, стр. 34 и слѣд.) былъ славный Чингисъ-Ханъ , а по мнѣнію втораго (Изслѣд. стр. 62) нѣкто Едигей изъ Нагайскаго племени ; но оба мнѣнія не доказаны , и припомъ Миллерово не лзя согласить ни съ временемъ , ни съ преданіями.

(8) Сраженіе Ермака съ сыномъ Кучума Мамешкуломъ , по Исторіи Миллера (гл. II, § 58) и Фишера (кн. I, отд. I, стр. 125) происходило 1581 года въ Іюль мѣсяцѣ.

(9) Нашествіе козаковъ на Карачинъ улусъ случилось по Исторіи Миллера (гл. II, § 61) и Фишера (кн. I, отд. I, стр. 125) почти въ тоже время , когда и сраженіе съ Мамешкуломъ , именно : 1581 года въ Августѣ. Миллеръ , при извѣспіи о взятіи улуса Карачи , говоритъ , о обратномъ походѣ Ермака изъ Сибири , о предсказаніяхъ сдѣланныхъ Ермаку отъ шамана и о сорокодневномъ постѣ , наложенномъ Ермакомъ по особенному обѣщанію на козаковъ. Всѣ сіи обстоятельствова не помѣщены въ нашей Лѣтописи и не имѣють Исторической достовѣрности.

(10) Въступленіе въ городокъ Ашика мурзы описано у Миллера (гл. II, § 78 и слѣд.) и у Фишера (кн. I, отд. I, стр. 126) 1581 года въ Сентябрѣ. Но оба сіи Историка опустили здѣсь многія подробности лѣтописей, важныя и любопытныя для насъ Русскихъ, и которыя споль искусно и споль прогапельно умѣеть изображанъ опечественное перо нашего знаменитаго Исторіографа.

(11) Сей походъ по Исторіи Сибирской Миллера (гл. III, § 33) предириняпъ былъ Ермакомъ для продолженія военныхъ дѣйсвій, благополучно начашыхъ *Брязгою*, въ который отправился Ермакъ въ началѣ весны 7191 (1583 года), а возвратился изъ него 20 числа Іюня того же года.

(12) Отправленіе первыхъ воеводъ въ Сибирь и съ ними 500 человекъ, послѣдовало Маія 10 дня 7091 (1583). Въ городъ Сибирь прибыли они Ноября 2 дня 7092 (1584) года.

(13) Миллеръ и Фишеръ, слѣдуя Тобольской лѣтописи, говоряпъ (Милл. Истор. Сибир. гл. III, § 64; Фиш. кн. I, отд. II, стр. 160), что Ермакъ, убѣгая отъ напавшихъ на него

Татаръ, утонулъ; но такое событіе несообразно съ великими качествами и геройскими подвигамъ Ермака. Въроятнѣе всего, какъ наша Лѣтопись и другія свидѣтельства утверждаютъ, что Ермакъ кончилъ жизнь со славою на мѣстѣ битвы, и можетъ быть поверженъ въ воду Татарами уже по смерти его. Ермакъ скончалъ жизнь свою, по единоголосному свидѣтельству всѣхъ Сибирскихъ лѣтописцевъ, въ ноцѣ съ 5 на 6 число Августа 7092 (1584) года. Тобольская лѣтопись, при повѣствованіи о смерти Ермака, выхваляетъ какъ душевныя качества его, такъ и самый наружный видъ. По словамъ оной, Ермакъ былъ средняго роста, крѣпокъ членами и широкъ въ плечахъ. Лице имѣлъ плоское и пригожее, бороду черную, волосы также черные и нѣсколько кудреватые.

(14) Отправленіе въ Сибирь Данилы Чулкова, въ нашей Лѣтописи показано при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, во всѣхъ же другихъ извѣстіяхъ въ 7094 (1586): слѣдственно при Царѣ Θεодорѣ Ивановичѣ, котораго царствованіе началось съ 1584 года; а посему оное и здѣсь такимъ образомъ исправлено.

(15) Миллеръ описаль сіе произшествіе несходно съ нашею Лѣтописью. Онъ говоришь (Истор. Сибир. гл. IV, § 12 и 15), что въ лѣтнее время 7096 (1588) года, Сейдякъ, съ султаномъ казачьей орды, съ мурзою Карачею и 500 Татарь, забавляясь яспребиною охотою, подѣхали споль близко къ городу Тобольску, что писменный Голова Чулковъ, подозрѣвая въ шоль смѣломъ поспукѣ ихъ худый умысль, рѣшилса самъ разспавишь для нихъ сѣпи. На сей конецъ послаль онъ зашь ихъ къ себѣ на обѣдъ и для мирныхъ переговоровъ; но съ шѣмъ, дабы взяли они съ собою въ городъ людей своихъ не болѣе спа человекъ, а прочихъ оставили за городскими воропами.— Татарскіе князья согласились на предложеніе Чулкова, и онъ приняль ихъ съ приличнымъ сану ихъ уваженіемъ, не подавъ ни малѣйшей причины къ сомнѣнію. Во время же спола спаралса ихъ угощашъ и поишь виномъ, наблюдая между шѣмъ прилѣжно за всѣми ихъ поспукками. Примѣшивъ въ Сейдякѣ нѣкопорую задумчивость, онъ сдѣлаль ему за шо укоризну, и въ доказательство искренней дружбы требоваль, чтобы всякой изъ гостей выпиль по большой чашѣ вина. Предложеніе Чулкова

не было однако же исполнено. Сейдякъ и всѣ участвовавшіе въ пиру оптоваривались опъ вина запрещеніемъ Магомешанскаго закона. Сіе было принято Чулковымъ знакомъ худаго умысла ихъ и подало случай къ опкрытію истиннаго своего намѣренія. Топчасъ, по данному опъ него знаку, вспутили вооруженные воины и схвапня Сейдяка и другихъ начальниковъ Татарскихъ перевязали, а прочихъ бывшихъ съ ними въ городѣ побили. Не было нужды вспунапъ въ сраженіе съ 400 Татаръ, спюявшихъ внѣ города: ибо они, какъ скоро узнали о происшедшемъ съ ихъ начальниками и шоварищами, то всѣ обратились въ бѣгство. Хотя Миллеръ не означаетъ опкуда именно почерпнулъ онъ шаковое сказаніе; но можно догадывапъся, что оно заимствовано изъ одного изшочника съ другими подобными, то еспъ, изъ Тобольской лѣтописи.

(16) Какъ въ Лѣтописи нашей упоминается изъ Царей полько объ Иванѣ Васильевичѣ и Теодорѣ Ивановичѣ, а изъ городовъ, собственно Сибирскихъ, о Тобольскѣ и Верхшурѣ, то кажется, со всею вѣроятностію сочиненіе оной можно опнести къ концу XVI или началу XVII вѣка. Ибо построеніе

города Верхотурья началось и частію совершено Воеводою Васильемъ Пепровичемъ Головинымъ и Головою Иваномъ Васильевичемъ Воейковымъ въ 7106 (1598) году, достопамятномъ въ отечественной нашей Испоріи кончиною Царя Θεодора Ивановича и вспуленіемъ на пресполь Бориса Θεодоровича Годунова. Судя по слогу и почерку Лѣтописи, должно заключить, что она и писана около сего же времени. Въ ней, кромѣ того, что несоблюдено правописаніе и изъ знаковъ поставлены однѣ точки, самыя слова иногда написаны сокращенно подъ пирамидами, а чаще всего одна и двѣ окончательныя или среднія буквы изображены на верху строки, нѣкоторыми особенными знаками. По сей-то причинѣ нѣтъ никакой возможности обыкновеннымъ способомъ печатанія сохранить всю точность подлинника. Но если бы древность болѣе отдаленная, нежели какую имѣетъ наша Лѣтопись, или другія уваженія, непременно потребовали сей точности, то достигнуть оной можно было бы развѣ только посредствомъ литографіи. Изданіе же ее, по желанію нѣкоторыхъ, безъ соблюденія правописанія, безъ знаковъ препинанія, или съ точками,

поставленными по произволу несвѣдущаго писца, но съ необходимымъ исправленіемъ самаго важнѣйшаго, то есть, сокращенныхъ буквъ и словъ, не принеся никакой существенной пользы, сдѣлало бы сію Лѣпопись для многихъ темною и невразумительною и не достигло бы предположенной цѣли. — Впрочемъ, выправя правописаніе Сибирской Лѣпописи и распавя для удобнаго чпенія и ясности, гдѣ слѣдуетъ знаки препинанія, я напечаталъ ее съ самою спрогою точностію, въ чемъ можешь всякаго удостовѣришь находящаяся у меня подлинная рукопись.

Г. Спасскій.

Письмо Е. П. Г^{на} Тайнаго Совѣтника и Кавалера Алексѣя Николаевича Оленина къ Издателю Лѣтописи Сибирской.

Я съ большимъ удовольствіемъ и благодарностію получилъ экземпляръ Сибирской Лѣтописи, копорымъ вы меня на сихъ дняхъ почтили. Я давно желалъ видѣть сію вамъ принадлежащую рукопись XVIII вѣка, изданною въ печать — и наконецъ доспохвальнымъ попеченіемъ Г. Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова, о разпрощраненіи всего, что можешъ служишь къ вѣрнѣйшимъ Историческимъ свѣденіямъ о Россіи и вашими трудами — желаніе мое исполнилось. Но сколько я былъ обрадованъ симъ новымъ появленіемъ любопытнаго и полезнаго сочиненія въ кругу старинной нашей опечесшвенной Словесности, сполько опечалился, увидѣвъ въ заглавіи оной въ гравированной картинкѣ, мнимый портретъ Ермака Тимоѣевича. Я весьма сожалѣю, Милоспивый Государь мой, о шѣхъ жищеляхъ Сибири, кошо-

рые, какъ вы мнѣ сказывали и понынѣ увѣрены, что сіе лице должно будшо изображашь шого великаго въ своемъ родѣ мужа, который изпоргнулъ у Татаръ богатый Сибирскій край; — шогда какъ оно дѣйствительно представляешь какого-шо неизвѣснаго западной Европы рыцаря XV или начала XVI вѣка. Вошъ шому явныя доказательсва *):

---

*) Въ Сибири я видѣлъ два живописныхъ поршреша Ермака: на одномъ представляешь онъ съ лицомъ суровымъ, съ кудрявыми волосами и бородою, вооруженный пикою и мечемъ съ рукояшкою, изображающею пшичью голову; на другомъ безъ всякаго оружія, съ видомъ благообразнымъ и съ длиною бородою. Одежда его на шомъ и другомъ поршрешѣ одинакая; она шакая же какъ и на приобщенномъ мною къ Сибирскому Вѣспнику и Лѣтописи Сибирской гравированномъ поршрешѣ Ермака. Хотя первый изъ нихъ вспрѣчаешь гораздо чаще послѣднаго; однако же, какъ доказаль почтеннѣйшій Сочинишель сего письма, не болѣе имѣеть сходсва съ своимъ подлинникомъ. Описанный же въ семъ письмѣ новый поршрешъ Ермака, опши-

Шапка на семь рыцарѣ, копорую въ Сибири принимающъ за мепаллическую или за особый шлемъ, Ермаку принадлежавшій, естъ не что иное, какъ бархатная или суконная шапка, называемая *шаперонѣ* (шаперон), копорую въ XV и XVI вѣкахъ носили почти во всей Европѣ, кромѣ Россіи. Повязка, выказываю-

---

чаясь изящесствомъ работы, представляющъ знаменипаго завоевателя Сибири во весь ростъ, и въ шомъ самомъ видѣ, въ какомъ по Лѣпописи Ремезовской и по другимъ Историческимъ доводамъ онъ бытъ долженъ. Слѣдственню сей поршрешъ можешъ служить образцемъ для рѣзца и кисти художника и болѣе достойнымъ уваженія предметомъ для чшиселей памяти сего незабвеннаго мужа, нежели всѣ извѣстные прежніе его поршрешы, вымышленные усердными но несвѣдущими его почишателями. Пріятнѣйшимъ долгомъ посшавляю засвидѣтельсшвовашъ истинную благодарносшь мою Е. П. Алексѣю Николаевичу, ревностному покровишелю дарованій и спосшшествовашелю ученыхъ шрудовъ, за сей неоцѣненный для меня подарокъ. Г. С.

щаяся изъ подъ сей шапки, напоминаетъ того же времени другой Европейской головной уборъ, который надѣвали вмѣстѣ съ шаперономъ, а именно: *барету* (*barrette*), по чю нынѣ у насъ скуфьею называется. Въ концѣ XV вѣка во всей Европѣ, особенно военные люди, начали опрашивать бороду и въ позже время появились брызжи, или споячія, а иногда и опложные ворошники у рубашекъ: *колле* или *фрезъ* называвшіеся, (*collet ou fraise*); которыхъ наши предки, особливо же наши козаки никогда не носили; а по тому сей уборъ вовсе Ермаку, (Василью Тимоѣевичу) неприличенъ, равно какъ и лапы, представленные на семь мнимомъ его поршрешѣ. — Сего рода доспѣхи во времена покоршеня Сибири не были употребляемы Русскими воинами, которые тогда вообще цѣльныхъ лапъ не носили. Брони наши были или желѣзныя кольчужныя, какъ по: *пансыри*; или изъ желѣзныхъ же пластинокъ, скрѣпленныхъ кольцами, какъ по: *доцатыя брони*: или изъ такихъ же пластинокъ, прикрѣпленныхъ заклепками къ кожѣ и барха-

ту, какъ по: *куаки*; или изъ четвероугольныхъ чешуй, какъ по: *бахтерцы*; или же изъ большихъ разнообразныхъ пласпий, шакже къ кожѣ и бархату прикрѣщенныхъ, какъ по: *зерсалы*. Вотъ Русская рашная сбруя того времени; а не цѣльныя съ головы до ногъ лапы, во время Ермака упошребляемая: Нѣмцами, Французами, Англичанами и другими народами Европы, кромѣ Русскихъ и Поляковъ, кошорые въ своемъ вооруженіи болѣе Азіатцамъ, нежели Европейцамъ подражали. Наконецъ самая медаль, повѣшенная на груди сего неизвѣстнаго лашника, принимаемая, можеть бышь за Царскую гривну или знакъ почести тогдашняго времени, кошорымъ Ермакъ никогда не былъ удостоенъ, шакже доказываетъ подложность сего портрета.

Впрочемъ мнѣ кажется, что прежде завоеванія Сибири, вѣрно не приходило на умъ козацкому шого вѣка Ашаману засшавлять съ себя писать портреты, когда сіе искусство весьма мало еще извѣстно было въ Россіи; во время же завоеванія имъ обширнаго Сибирскаго края, продолжавшагося около шрехлѣтъ

въ непрерывныхъ шрудахъ и опасностяхъ не было, кажется, ему удобнаго времени заботиться о своихъ портретахъ, да вѣроятно и не было кому ихъ писать; а потому я полагаю, что въ изображеніяхъ сего достопамятнаго мужа, оказавшаго столь великую услугу Россіи, мы должны къ крайнему сожалѣнію ограниваться представленіемъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ могъ бытъ во всеоруженіи своемъ, не заботясь о вѣрности въ чертахъ его лица. Сіе изображение Ермака можно легко и основательно согласить при нѣкоторомъ прилѣжномъ изслѣдованіи, объ образѣ тогдашняго нашего вооруженія, что довольно извѣстно по преданіямъ и по оставшимся драгоценнымъ памяникамъ въ Московской Оружейной палатѣ. Сверхъ того мы можемъ, хотя нѣсколько руководствоваться въ томъ рисунками Ремезовской, Тобольской или Сибирской Лѣтописи, въ которой Ермакъ два раза представленъ во всеоруженіи своемъ. Броня его главнѣйше состояла по словамъ той Лѣтописи: „въ пансырь бишомъ въ 5 колець мудросно, длиною

въ два аршина, въ плечахъ съ чешью аршинъ, на грудяхъ и межъ крылецъ, печати Царскія, златые орлы. По подолу и рукавамъ опушка мѣдная на привершка“ *).

Хотя рисунки сей Лѣпописи и не весьма исправны, но они съ помощію насюющихъ того времени Русскихъ оружій **) дали мнѣ средство предсавить Ермака Тимоѣевича по крайней мѣрѣ въ шомъ самомъ военномъ одѣяніи, въ какомъ онъ въ свое время, вѣроятно хаживаль. Я старался при семъ новомъ изображеніи завоевателя Сибири, чтобы въ чертахъ его лица и въ его станѣ, сохранено было все, что объ наружномъ его видѣ сказано въ Ремезовской Лѣпописи: „бѣ бо вельми мужественъ, и разумень, и человекенъ, и зраченъ и всякой мудро-

---

*) Ремезовской Списокъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ спаш. 93 (ЧГ) листъ 29, а по шарому щету 24 (КД).

**) Малая часпица сихъ оружій соспавляла нѣкогда мою собственность, а нынѣ въ даръ мною посвящена ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ.

сти доволенъ, плосколицъ, чернь браною и власы, прикудрявъ, возрастъ средній и плоскъ, плечисъ.“ Вотъ въ какомъ видѣ я старался изобразить славнаго Ермака! Я посвящаю вамъ Милоспивый Государь мой, сей малый прудъ (малый въ отношеніи участія, которое я лично въ ономъ принималъ), въ знакъ моего къ вамъ уваженія за полезныя ваши изысканія. Вы можете, если вамъ угодно будетъ, прибавить прилагаемый при семъ гравированный на мѣди естампъ съ изображеніемъ Ермака Тимоѣевича во всеоруженіи своемъ, къ изданной вами Сибирской Лѣтописи, при семъ моемъ письмѣ, а равнымъ образомъ и къ вашему Сибирскому Вѣспнику. Примите искреннее увѣреніе въ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности, съ каковыми чувствами я имѣю удовольствіе быть навсегда вамъ и проч.

7 Іюня 1821.
